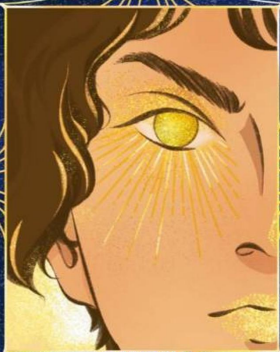

МАРГО ВЕРЕСК

КОГДА МЫ БЫЛИ
БОГАМИ

Марго Вереск

Когда мы были богами

<https://litres.ru/74483422>

SelfPub; 2026

Аннотация

Попаданки не всегда спасают мир. Иногда они превращают его в тот, из которого пришли.

Алатея потеряла всё в день, когда с неба упала чужачка. Жениха, поглощённого безумием их милосердного бога. Друзей, погибших от рук бывших однокурсников. И двести лет собственной жизни, проведённых в каменной темнице, пока снаружи полностью перевирались правила, которые она считала незыблемыми.

Не осталось ни правых, ни виноватых. Только мир, который вздрагивает от чиха одного человека, поневоле ставшего новым богом, и вопрос, который Алатея боится задать себе вслух: можно ли спасти того, кто уже стал всем, перестав быть собой?

Содержание

Часть 1. До пропажи Лора.	4
13 лет д.п.л. 1-й цикл. Глухая девочка.	16
215 лет ппл. 3-й цикл. Руины академии.	42
215 лет ппл. 3-й цикл. Мужчина с глазами из солнца.	56
215 лет ппл. 3-й цикл. Кем ты стала, Беттани?	70
215 лет п.п.л. 3-й цикл. Кто виноват?	90
215 лет п.п.л. 3-й цикл. Такой живой и опасный мир.	105
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Марго Вереск

Когда мы были богами

Часть 1. До пропажи Лора.

10 лет дпл. 5-й цикл.

Кто такой Лор.

— Лор — это всё, и всё — это Лор, — статный немолодой мужчина с седыми висками вышагивал перед рядами деревянных скамеек. Его голос, низкий и ровный, наполнял аудиторию без усилий. Свет восьми солнц, игравший в высоких стрельчатых окнах, ложился на его простую, но безупречно скроенную одежду из мягкого льна, — Как вы понимаете эту догму, студенты? Да, прошу, — он кивнул на вытянувшуюся руку рыжую девочку из четвертого ряда.

— Лор сидит на небе, за солнцами, и наблюдает за каждым нашим шагом, поэтому нам нужно себя хорошо вести, чтобы он был доволен, — бодро отчеканила она.

Тея поморщилась. “Глупая конопатая дурочка,” — пронеслось в ее голове.

— Не совсем так, — по-доброму, без укора покачал головой преподаватель, — Лор нигде не сидит и не прячется. Он

повсюду. Он — это и есть небо. И лес. Солнца, камни, вода, и даже вы сами, — это Лор. Вы сидите на его части, которое когда-то было деревом, но приняло ту форму, которую плотник попросил у Лора.

На первой скамье, вытянувшись в струнку, сидела двенадцатилетняя Алатея. Пальцы её, сложенные на коленях, были белыми от напряжения. Она старалась не пропустить ни слова. Папа говорил, что настоящий Смотритель подмечает самые мелкие, скрытые от простого глаза детали, и слышит то, что не говорят.

— Поэтому наша задача, — продолжал лектор, — научитесь слышать то, что он хочет нам сказать, чувствовать то, в чем он нуждается, и правильно просить о том, в чем нуждаемся мы.

— Но если он — это всё, то в чем он может нуждаться? — не утихала девочка.

Лектор улыбнулся, будто ждал именно этого вопроса.

— Прекрасное уточнение. Если вы — часть его тела, то что чувствует палец, когда вы им двигаете? — он поднял руку, пошевелив пальцами. — Он чувствует намерение всей руки. И может ей помочь — быть точнее, сильнее, ловчее. Лор — это целое тело. Мы — его части. Его нужды — это нужды целого: рост, гармония, баланс, продолжение жизни. Когда дерево просит солнца, а река — пути к океану, они просят Лора, но они и есть Лор. Понимаете? Мы не просим постороннего. Мы просим самих себя, но тех своих частей,

до которых не можем дотянуться. Это диалог внутри одного огромного существа.

Он снова подошёл к кафедре, где стоял глиняный кувшин с водой.

— Возьмём воду. Если вы просто крикнете “воды!”, ничего не произойдёт. Вы должны почувствовать жажду, представить, как прохладная влага смывает сухость во рту, наполнит сосуд внутри вас, вернёт силы. Искренне захотеть этого — для жизни, для гармонии. И тогда...

Он коснулся поверхности воды пальцем с тем же выражением, с каким протягивают руку другу. Вода, без малейшей ряби, тонкой, гибкой струйкой потянулась за его пальцем, описала в воздухе дугу и упала ему в раскрытую ладонь, сверкая на свету.

— Он помогает процессу. У воды есть своя воля — течь вниз, искать путь. Моё намерение лишь мягко направляет её, как ручей направляет камешек. Лор не творит воду из ничего, а помогает ей найти дорогу ко мне. Но, — лектор резко сжал ладонь, и водяная струйка рассыпалась каплями, — попросите его заставить воду затопить соседнее поле из зависти, и ручей просто уйдёт в сторону. Или, что хуже, источник забьёт грязью. Потому что насилие над частью — это насилие над целым. Боль пальца — это боль тела. Понятно?

— Но если, например, у меня есть четкое намерение и острая нужда в том, чтобы соседнее поле затопило?

Тея сжала пальцы под столом. Эрб, как всегда наглый,

не сводил с преподавателя нахального взгляда, уверенный, что застал его врасплох своим вопросом. Его сосед, рослый темноволосый парень, укоряюще зыркнул на него, покачал головой, но ничего не сказал.

Но лектор лишь терпеливо улыбнулся.

— От того, что я попью воды, или дерево примет форму скамьи, никому не будет плохо. Лор не может причинить себе боль. Какая бы острая нужда тебя не вынудила попросить его о подобном, ты должен помнить, что существуют еще тысячи других способов помочь тебе так, чтобы никто не пострадал. Как вы думаете, — обратился он ко всем в аудитории, — почему мы так дружны со всеми остальными кругами, с нашими соседями?

— А зачем нам ссориться? — удивилась та же рыжая девочка.

Лектор скрыл легкий смешок за кашлем.

— И то верно. И все же основная причина более приземленная. Если житель соседней долины просит дождя для своих посевов, а мы в это время просим ясного неба для нашего праздника — чью просьбу исполнит Лор? Чью нужду сочтёт более важной?

В классе воцарилась тишина. Даже Эреб нахмурился, явно впервые задумавшись об этом.

— Исполнит ту, что гармоничнее для целого, — ответил лектор за всех. — А что гармоничнее — решает не Лор как судья. Это решает сам цикл. Сила просьбы в её согласован-

ности. Если все в долине молятся о дожде для урожая, а один чудака — о солнце для сушки белья, чья просьба будет услышана ярче? Поэтому мы договариваемся, советуемся. Ваши родители, Долен, как главы Дома Хранителей, слушают нужды земли, рек, лесов, и нужды друг друга, то есть всех жителей нашего круга и Хранителей соседних кругов. Чтобы наши просьбы не противоречили, а усиливали друг друга, чтобы просьба одного человека становилась частью общего хора.

Он сделал паузу, давая словам проникнуть в сознание юных студентов.

— Вот почему у нас есть Дом Хранителей. Их дар — слышать этот хор целиком, видеть весь цикл разом, и направлять наши маленькие, личные просьбы так, чтобы они становились кистями в общей картине, а не кляксами, разрушающими её. Гордыня, Эреб, — голос лектора стал жестче, назидательнее, — желание получить своё любой ценой — это самый верный способ остаться глухим. Лор не накажет, но и прислушиваться больше не станет. Потому что крик боли одного пальца заглушит тихий шёпот всей руки.

Эреб слушал, откинувшись на скамье, но насмешливость с его лица исчезла. В янтарных глазах светился интерес — живой, жадный. Он поймал на себе взгляд Теи и снова подмигнул, но на этот раз в этом жесте было не столько баловство, сколько вызов: «Слышала? Вот какие мы крутые».

— Какие еще Дома вы знаете?

— Смотрители и Мастера! — тут же выкрикнул светловолосый парень.

— Верно. Что делают Смотрители?

— Они... э... наблюдают! — неуверенно ответил тот.

Лектор чуть склонил голову, изобразив то ли согласный кивок, то ли сомнение. Он пошарил глазами по аудитории, собираясь с мыслями, а затем подошел к большому, в половину его роста, окну, и широким жестом руки указал на внутренний двор академии.

— Наш мир меняется постоянно, — сказал он, — Кто-то из вас уже, возможно, застал и заметил эти изменения, кто-то — нет. Но они происходят каждый удар сердца, значительные и не очень. Например, еще каких-то сорок лет назад уровень воды под кругом Ратио был заметно выше, и в море обитали гнерды. Большие, плоские рыбы, на чьих спинах люди чаще всего передвигались от Ратио до нашего Люмена или Вита. Но вот воды стало чуть-чуть меньше. Казалось бы, существенно ничего не изменилось, гнерды все также помогали людям и обитали в глубинах моря. Хранители это заметили, но не придали особого значения, потому что хуже от этого никому и не стало, морские обитатели чувствовали себя все также комфортно. Но тут в дело вступили Смотрители, которые отслеживали уровень воды на протяжении многих лет, вывели закономерность ее убытия, и предупредили Хранителей и Мастеров, что к такому-то году гнерды исчезнут, поскольку им станет слишком тесно. А после их исчез-

новения водоросли, которыми они питались, станут расплываться по дну слишком быстро и обильно, и Лору придется создать кого-то, кто ел бы их, чтобы они не заплонили все морское дно. Хранители прислушались, сказали Мастерам, и те возвели отдельные мостовые выходы от Ратио к Люмену и Вита, чтобы подготовиться к моменту, когда гнерды уже не смогут помогать людям. В итоге все случилось именно так, как и предсказывали Смотрители: гнерды исчезли через восемь лет, а в море появились мирвы, которые обитают там до сих пор и которых вы все уже знаете.

По аудитории пошли возбужденные шепотки, а Тея незаметно выпрямила и так ровную спину. В её глазах вспыхнула гордость. “Да, — думала она, — Это про нас. Мы — ученые, прогнозисты, а не просто молчаливые наблюдатели.”

— То есть смотрители предсказывают будущее? — спросил кто-то прямо позади нее.

— В каком-то смысле, — преподаватель сделал неопределенный жест рукой, — Смотрители берут во внимание все происходящие изменения. Появись в лесах в одно утро новый вид птиц, и уже к вечеру Хранитель будет знать, в какой конкретно части леса они обитают, сколько их, и чем они питаются, а Смотритель — как их появление отразится на лесе завтра, кто из животных в скором времени сменит место своего обитания, и примерно насколько увеличится популяция жуков, которых едят эти птицы.

— А Мастера? — спросил кто-то с задних рядов.

— Мастера, — лицо лектора озарила лукавая улыбка, — это те, кто ведёт самый интимный диалог с материей. Мастера знают больше о конкретных свойствах материи, чем все Хранители и Смотрители вместе взятые. Хранитель говорит, где есть залежи металла и сколько его там, Смотритель предупреждает, что его хватит примерно на двадцать лет, а новый появиться в другом месте, потому что там такие же условия, а Мастер просит Лора, чтобы кусок металла преобразовался в изящный канделябр или столовые приборы. Для этого ему нужно убедительно объяснить Лору, ради чего он должен поменять структуру того, что когда-то создал. То же самое и с другими материями: чтобы создать скамьи, на которых вы сидите, или стол, которым я пользуюсь, Мастер донес до Лора суть новой цели дерева.

Он провёл рукой по гладкой, тёплой поверхности дубовой кафедры.

— Этот стол не скрипит, не шатается, потому что столяр, делавший его, правильно донес свою нужду Лору. Дерево не вырубили насильно, а попросили изменить свою форму, чтобы принести пользу другим. В изделиях истинных Мастеров всегда остаётся отголосок этой просьбы, этой взаимной благодарности. Потому такими вещами приятно пользоваться. Они, можно сказать, такие же живые, как мы с вами или то дерево, из которого был создан стол.

По аудитории пошли возбужденные шепотки и возня. Кто-то ерзал на стуле, кто-то прикладывался ухом к столу в

попытке услышать его дыхание, слишком буквально понявший слова учителя о том, что стол жив, а некоторые ребята из Мастеров пытались прямо на уроке сделать себе подлокотники или парты повыше.

Лектор наблюдал за этой суетой несколько мгновений, потом громко похлопал в ладоши, привлекая к себе внимание.

— Все Дома связаны друг с другом и неотделимы, — подытожил он, — Вы были рождены в одном из них и очень скоро сами поймете, о чем я сегодня говорил. Но это что касается глобальной задач, а в остальным все люди помогают Лору, друг другу и себе примерно одинаково, и с этого дня вы будете учиться делать это быстро, интуитивно и правильно. Заканчиваем с теорией и переходим к практике, — его глаза хитро сверкнули, и в одно мгновение прямо из деревянной поверхности парты перед каждым учеником появилось маленькое семечко, — Ваша первая полезная просьба. Перед вами — семя, самое просто, цель которого — расти и тянуться к солнцам. Ваша задача — не заставить его прорасти силой воли, а почувствовать это его желание и помочь, усилив его своим обращением к Лору. Создать в своём сознании образ тепла, влаги, мягкой земли, стать союзником его естественного стремления. Не господином, — лектор сделал на этом акцент, заглянув в глаза каждого из учеников, — союзником. Приступайте.

Тея взяла в ладонь маленькое, твёрдое семечко, чувствуя, как в груди растёт уже целое дерево тревоги и ответствен-

ности. Она должна это сделать, самой первой, у нее должно получится лучше, чем у остальных.

Она закрыла глаза, изо всех сил стараясь представить тёплую, тёмную землю, ласковый свет солнц, напитанную влагой почву. Она хотела помочь. Искренне. Но за желанием скрывалось другое, более жгучее: желание превзойти. Показать всем, и в первую очередь Эребу, на что она способна.

Рядом раздался коллективный восхищенный вздох. Тея приоткрыла один глаз.

На ладони Эреба уже показывался крошечный, бледно-зелёный росток. Он извивался, будто потягиваясь после долгого сна, и на его кончике уже разворачивались два первых нежных листочка. Эреб не улыбался. Он смотрел на росток с таким сосредоточенным, почти нежным вниманием, будто слушал его тихую песню.

Тея снова закрыла глаза, чувствуя, как гнев и отчаяние сжимают ей горло. “Почему у него получается? Что я делаю не так?”

— Не борись, — тихий голос прозвучал так близко, что она вздрогнула. Эреб наклонился к ней через проход между скамьями. — Пыхтишь тут, как мокрый вылеп, скоро покраснееешь от натуги. Мягче надо. Представь, что уговариваешь папочку достать тебе новое платье.

— Отстань, — прошипела Тея, не открывая глаз.

Он рассмеялся — тихо, беззлобно, но чуть-чуть издевательски.

— Ладно, девятое солнышко, сама разбирайся.

Алатея сжала зубы. Это глупое прозвище он дал ей еще в глубоком детстве, практически сразу, как стало известно об их помолвке. Она кучу раз просила не называть себя так, ведь солнц на небе всего восемь, как и кругов в Содружестве, и этим прозвищем Эреб как будто оскорблял создавшего все это Лора и Тею лично.

Тея сделала глубокий вдох. Отбросила мысль о соперничестве, о карьере, о папином одобрении. Она просто представила маленькое, твёрдое семечко в тёмной, уютной земле. Представила, как оно медленно набухает от влаги, как сквозь скорлупку пробивается первый, хрупкий корешок, тянущийся вглубь, ищущий опору... И как из земли, навстречу солнцам, устремляется зелёный росток — слабый, но полный невероятной, упрямой силы жизни. Она устремила все это куда-то далеко и повсюду, обращаясь к Лору, показывая, *доказывая* свое желание помочь.

В её ладони что-то шевельнулось.

Тея открыла глаза. Из трещинки в семечке виднелся крошечный белый кончик — будущий корешок. Он был таким маленьким, таким незначительным по сравнению с уже распустившимся ростком Эреба, но это была её победа. И это было только начало.

Она подняла взгляд и встретила с глазами лектора. Тот одобрительно кивнул, а потом перевёл взгляд на Эреба, и в его глазах мелькнуло нечто сложное — одобрение, смешан-

ное с лёгкой тревогой.

«Талант, — казалось, говорил этот взгляд. — Природный, яркий талант. Но куда он его направит? В хор... или в сольную партию, способную разрушить всю симфонию?»

Звонкий перезвон хрустального колокольчика возвестил об окончании занятия. Мир за окном по-прежнему сиял семью солнцами, но для Теи он уже не был прежним. Он стал полем тихой, необъявленной войны — войны за то, чей голос Лор услышит громче.

13 лет д.п.л. 1-й цикл.

Глухая девочка.

— Пап, а как ты понимаешь, что вот эта скала не против стать чьим-то домом, а тот валун лучше не трогать?

Илан оторвался от чертежа и посмотрел на дочь поверх очков. Нила сидела на краю его рабочего стола, болтая ногами, и смотрела с тем самым выражением, после которого обычно начинался допрос.

— Просто спрашиваю, — ответил он с улыбкой.

— У камня?

— Ну... — Илан отложил перо и потёр переносицу. — Не совсем. Скорее, у Лора.

Глаза Нилы загорелись. Она спрыгнула со стола и подошла ближе.

— И он тебе отвечает? Прямо словами говорит?

— Не словами. — Илан попытался подобрать объяснение и вдруг понял, что никогда раньше не задумывался об этом. Как объяснить то, что для тебя так же естественно, как дыхание? И зачем вообще объяснять, как дышать? — Я просто чувствую его намерение. Как интуитивное одобрение или отказ.

Он посмотрел на дочь, ожидая кивка, но Нила стояла и хмурилась.

— Вот как ты чувствуешь, через сколько загорится пятое солнце, или что сегодня будет ветреная погода, — добавил он.

В комнате повисла тишина.

— Но я не чувствую, — сказала Нила.

Илан открыл рот, закрыл. Снова открыл. А дальше последовал долгий разговор, в ходе которого пятилетняя Нила Конни, дочь зодчих из Дома Мастеров, поняла, что она глуха.

Не в том смысле, что она не слышала других людей — Лор не допустил бы такой несправедливой болезни. Она не слышала самого Лора. Не умела просить, не умела чувствовать, не понимала, что нужно делать и испытывать во время просьбы. Когда другие дети могли внезапно пойти домой, потому что “скоро пойдет сильный дождь”, Нила смотрела на чистое небо и никак не могла понять, с чего они это взяли. Когда соседский балованный мальчишка пнул мяла, безобидную домашнюю зверушку, а на следующий день, весь бледный и измученный, рассказывал, что всю ночь ему снилось, как его самого пинает огромное страшное существо, Нила не верила и думала, что ему просто стыдно.

Знакомые хранители разводили руками — такие феномены встречаются крайне редко, но все же бывают, рождаются раз в несколько десятков лет. «Глухих от рождения» не лечили. Считалось, что Лор сам выбрал для них иную роль — быть абсолютно самими собой, без его прямого шёпота. Их

судьбой обычно становилась глубокая учёность, философия или архивное дело — места, где требовался холодный, не замутнённый интуицией ум.

И этого как раз у Нилы было не отнять. Если Лор с ней не разговаривает, решила она, значит, придётся понять его язык по-другому.

Она начала вести дневник наблюдений. Всё, что не могла «услышать», она старалась вычислить. Зарисовывала облака, направление ветра, поведение птиц за несколько часов до того дождя, о котором «знали» другие. Через год у неё была собственная, почти безошибочная система признаков приближающегося ненастья.

Тайком наблюдала за работой отца. Записывала каждую озвученную им просьбу, выстраивала систему тона голоса и формулировок, выискивала закономерности и частоту отклика. Дотошно допытывалась, какие именно ощущения помогают ему понять материю, чем отличается ответ камня, дерева или металла, чем доводила Илана до дергающегося глаза.

Родители смотрели на все это с жалостливым сочувствием. Нилу не могут взять в академию, она никогда не станет достойным и правомерным представителем какого-либо Дома, не сможет применить на практике собственные теории и наблюдения. Все, чем она занималась: смотрела, как у других людей протекает жизнь, в то время как сама сидела взаперти собственного недуга за толстым мутным стеклом.

Но в одиннадцать лет, за год до возраста, в котором остальные поступали в академию, Нила Конни совершила первый в своей жизни безрассудный и отчаянный поступок: пошла напрямик в дом главного Хранителя их круга. Холден Долен, завидев на своем пороге худощавую невысокую девочку с огромными перепуганными глазами, решил, что его сын в очередной раз доводит соседей. Но те дети, которые приходили к нему жаловаться, обычно выглядели обиженными и оскорбленными, а эта девочка, сжимающая стопку толстых потрепанных тетрадей, смотрела на него так, будто от предстоящего разговора зависела ее жизнь.

— Меня зовут Нила Конни, – чуть слышно пролепетала она. Собственный голос показался Ниле жалким и не стоящим внимания, так что она сделала паузу, прочистила горло, и продолжила так громко и четко, как только мог маленьких ребенок в присутствии главного человека в круге, – Вы, наверно, уже слышали обо мне!

Холден спрятал улыбку за серьезным выражением лица и кивнул, приглашающе поведя рукой в сторону дома.

— Да, слышан. Проходи. Похоже, у тебя ко мне какое-то крайне важное дело.

Нила на негнущихся ногах прошла в дом, устроившись на кресле с идеально прямой спиной. Холден изо всех сил постарался сохранить нейтральное лицо. В этот момент девочка очень напоминала Тею.

— Вы должны знать, что я глуха, – подрастеряв прежний

запал, начала Нила, — И я понимаю, что мне нечего делать в академии среди нормальных детей.

Мужчина нахмурился, собираясь возразить, но она вдруг хлопнула принесенными тетрадями по столу, сама же ойкнула от этого, и продолжила сбивчивым речитативом:

— Пользы от меня мало, но я правда очень терпеливая и наблюдательная, я могу помочь, только если мне позволят, пожалуйста, посмотрите, я правда очень хочу понять....

Они сидели в кабинете Холдена почти ползаката. Нила разложила перед ним свои тетради — за три года наблюдений их набралось четыре штуки, — и страницу за страницей показывала записи. Вот схема облаков над Люменом, составленная за год наблюдений, с пометками о том, какая форма предвещает дождь, какая — ветер, а какая — ясную погоду. Вот таблица, сравнивающая формулировки просьб, которые использовал её отец, и скорость отклика на них. Вот расчёты, из которых следовало, что, чем подробнее объяснить камню, какие люди будут жить в будущем доме, тем точнее и удобнее будет сам дом, а строительство легче. Вот график, показывающий, как меняется податливость дерева в зависимости от времени суток и положения солнц.

Холден листал страницы, и его брови поднимались всё выше.

— Ты сама всё это составила? — спросил он, останавливаясь на схеме движения ветров над долиной.

— Сама, — быстро закивала Нила. — Я не могу чувство-

вать то, что чувствуют другие. Но я могу наблюдать, записывать, сравнивать, искать закономерности. И когда я нахожу закономерность, я могу предсказать, что будет дальше, даже не слыша Лора.

— Это работа Смотрителя, — заметил Холден. — Ты хочешь в Дом Смотрителей?

— Я... не знаю, — растерянно ответила Нила. О том, что Дом можно выбрать, она еще не слышала, — Я... просто хочу быть полезной. И хоть чуть-чуть разбираться в том, в чем разбираются остальные.

Холден откинулся в кресле и долго смотрел на неё. Перед ним сидела девочка, которую Лор лишил самого главного, что было у людей их мира — связи с ним. Но вместо того чтобы смириться, она превратила свой недостаток в инструмент.

Главный Хранитель видел пользу от холодного, аналитического ума в мире, управляемом чувством, и, как самый приближенный к Лору, верил в мудрость и непостижимость его замысла. Но он также и понимал, что в академии, где в первую очередь учат как раз слышать, чувствовать и просить, Ниле будет нелегко.

В итоге был найден компромисс, оформившийся в официальное письмо за подписью Совета Академии.

“Ниле Конни, дочери зодчего Илана Конни из Дома Мастеров, разрешается сдать вступительные испытания на общих основаниях. Ввиду уникальности её природных особен-

ностей, итоговое решение о зачислении будет принято Советом по результатам не практической демонстрации чувствительности, а на основе оценки её теоретических знаний, аналитических способностей и глубины понимания принципов взаимодействия с миром. Рекомендуются рассматривать поступающую вне контекста принадлежности ее к Дому.”

Проще говоря, ей дали шанс проявить себя.

Через год окрыленная Нила поступила в академию, и практически сразу уяснила несколько негласных правил: во-первых, на ее “аналитические способности и глубину понимания” студентам было также глубоко и аналитически плевать. Не можешь с ходу оживить росток — ты неудачник. Не чувствуешь, что преподаватель собирается задать вопрос именно тебе, — ты мишень. Не можешь попросить чернила не пролиться на пергамент — ты неряха. Мир академии говорил на языке интуиции и лёгкости, а Нила оставалась немой чужачкой, вечно спотыкающейся о невидимые пороги.

Во-вторых, жалость была хуже презрения. Среди второкурсников ярче всех горели два солнца — наследник Хранителей Эреб Долен и наследница Смотрителей Алатея Ребаф. Эреб, узнав про ее особенность, мельтешил вокруг, привлекая нежелательное внимание. Среди студентов считалось, что Нила его развлекает, как диковинная зверушка. Он же, казалось, и вправду видел в ней занятный эксперимент — подходил на переменах, задавал странные вопросы (“А ты

вообще-вообще ничего не слышишь? А если бы тебе Лор прямо на ухо кричал — тоже не услышала бы? А просьбы не работают, потому что ты не чувствуешь цикл, или просто мысль не можешь сформулировать? А если бы тебе нужно было описать Лора, твоими методами, как отдельное существо, как бы ты это сделала?”), а потом с показной легкостью покровителя, снизошедшего до отстающего, мог бросить ей на стол идеально выполненное, скучное домашнее задание по “Основам ответа Лора, трактовки снов и образов”, которое она физически не могла выполнить сама, не видя ни каких-то необычных снов, ни образов.

Сначала Нила молча возвращала тетрадь, сгорая от стыда и унижения, считая его поступки жалостливыми и снисходительными. Но в один из таких разов, через пару закатов после возвращения тетради, к ней подошел Шен. Несоразмерно большой для своего возраста, высокий и молчаливый наследник Мастеров, он всегда был там, где был Эреб, огромной тихой тенью следовавший за ярким солнцем.

— Тебе нужно. Почему вернула? — низким голосом спросил он, кладя злополучную тетрадь на ее стол.

Нила отодвинула ее на край

— Мне не нужны подачки.

— Подачки?

— Показательные широкие жесты, так и кричащие о великодушии несравнимого Эреба по отношению к жалкой калеке, — зло выдохнула Нила. Может, это и было немного

несправедливо, но ее действительно унижало подобное отношение.

— Это тетрадь, — недоуменно уточнил Шен тоном, которым обычно общаются с пятилетними детьми, — Даже если бы она и кричала, ты бы не услышала.

Нила возмущенно вскинула голову: издевается?! Но Шен стоял, горой возвышаясь над ее столом, и смотрел спокойно, с легким налетом искреннего непонимания. В его глазах не было ни привычной насмешки, ни снисходительной жалости, которыми её уже так щедро наградили за эти месяцы. Была лишь простая, даже несколько тупая констатация факта, словно он говорил о погоде. “Дождь идёт. Ты не слышишь Лора. Это тетрадь.”

Его фраза повисла в воздухе такой нелепой, такой оглушающе прямой, что ярость Нилы споткнулась и застряла у неё в горле. Она не знала, что на это ответить. Оскорбить-ся? Но он, кажется, даже не понял бы, на что именно. Объяснить? Слова “гордость” и “унижение” казались сейчас слишком сложными для этого каменного лица.

— Он... — начала она сбивчиво. — Он делает это, чтобы показать всем, какой он... добрый. Или чтобы потешить своё любопытство. Я для него — диковинка.

Шен нахмурился, не соглашаясь.

— Эреб любопытный, да. Но он не злой. Он тебе помогает, а помощь — это хорошо. Почему ты её отвергаешь?

— Потому что я не просила о помощи! — выпалила Нила,

и тут же осеклась. Она действительно не просила. Она молила Лора, судьбу, хоть кого-нибудь дать ей силы справиться самой. Но не Эреба.

— Хм, — глубокомысленно произнёс Шен, склоняя свою большую голову набок. — А если ты упадёшь, и рядом будет Эреб, ты тоже скажешь “не трогай, я сама”?

— Это не одно и то же!

— Почему? Задание — это препятствие. Он помогает его преодолеть, как поднять упавшего.

Его логика была чудовищно примитивной, как удар молотка, и от этого — неотразимой. Она разбивала все её хитросплетённые мысли о гордости и социальных играх в мелкую пыль. Для Шена мир, видимо, делился на простые категории: друг/не друг, препятствие/помощь, можно сделать/нельзя сделать. И в его картине мира Эреб, предлагающий тетрадь, был в категории “друг, предлагающий помощь для преодоления препятствия”.

Он взял тетрадь и аккуратно, с неожиданной для его грубоватых пальцев точностью, положил её ровно в центр её стола.

— Он не думает, что ты калека. Скорее, что ты... ну, вроде как интересная задача. Ему нравится решать задачи. А ещё, — Шен сделал крошечную паузу, — он видит, как ты стараешься, и уважает это. Больше, чем тех, у кого всё получается с первого раза, но они не ценят.

С этими словами он развернулся и ушёл, оставив Нилу си-

деть в полной прострации. Его уход был таким же бесшумным, как и появление.

Нила устала лежать перед ней тетрадь. Аккуратный, чуть наклонный почерк Эреба заполнял страницы. Он не просто дал ответы — он подробно расписал логику “прочтения” образов от Лора, привёл примеры, нарисовал схемы. Это больше не напоминало “подачку”, скорее руководство. Попытка передать понимание, пусть и того языка, которого она была лишена.

Возможно, Шен со своей прямолинейной логикой был прав. Возможно, она сама нагромодила вокруг этой помощи столько баррикад из обиды и гордыни, что перестала видеть суть.

Она не сказала “спасибо”. Ни Эребу, ни Шену. Но в следующий раз, когда Эреб, хихикая, бросил на её стол исправленное сочинение по “Этике диалога с неживой материей”, она лишь кивнула, забрала его и... оставила у себя. Не для того, чтобы списать. На самом деле ей таких заданий не давал ни один преподаватель. А чтобы проанализировать. Уловить шаблоны, понять, как мыслят те, кто слышит. Превратить его интуитивные озарения в свою систему правил.

...В-третьих, единственным человеком, кто не пытался её встроить в иерархию немедленно, оказалась Алатея Ребаф из Дома Смотрителей. Не потому, что была добра, а потому, что была слишком занята собой. Тея с первого дня вела себя как полновластная хозяйка, ещё только присматривающая к

своему будущему владению. На Нилу она смотрела как на статистику, нейтральный элемент интерьера — не друг, не враг, просто часть обстановки академии. И в этой отстранённой объективности было, как ни странно, спасение. С Теей можно было сидеть в одной аудитории, не чувствуя на себе её оценивающего взгляда. Она игнорировала Нилу так совершенно, что это почти походило на уважение.

За несколько лет они не перекинулись и словом, и Нила убеждала себя, что ее это полностью устраивает. Она привыкла наблюдать из тени, и тень Теи была самой удобной: густая, непроницаемая, надёжная. Зато саму Тею Нила изучила до мельчайших деталей, и иногда, очень-очень редко, когда та по рассеянности кивала ей в коридоре или случайно встречалась взглядом в столовой, Ниле казалось, что её тоже знают. Что кто-то видит её так же подробно, как она видит других.

Разумеется, это было не так: Тея не изменяла себе, выстраивая такую высокую стену, что даже Эреб, ее собственный жених, не всегда мог через нее перелезть. Но и Нила чувствовала себя стеной, просто из другого материала. Если Тея была гранитом: твёрдым, холодным, неподатливым, то Нила — кирпичом: вроде бы проще, грубее, зато каждый кирпичик уложен осознанно, по собственной системе. И это сравнение роднило их где-то глубоко в ее душе. Там, где глухая девочка всё ещё надеялась, что однажды кто-нибудь подойдет и просто постоит рядом.

4 года д.п.л. 4-й цикл.

Пестрая птичка Беттани.

Она появилась внезапно.

Тея сидела на скамейке академической аллеи, сверяя в ежедневнике движение караванов, доставляющих товары между кругами. Рядом лежало письмо отца — еженедельное задание для наследницы Дома Смотрителей. В письме были перечни изменений в ландшафте и течении горных рек за прошедшую неделю, предсказание их изменений и погодных условий на будущую, схемы перевозок зерновых культур для регионов Люмена, граничащих с Ордо, малоцветущем кругом на плато, и еще куча важных кропотливых деталей, которые обязательно должна была чувствовать и учитывать его дочь.

Киврана Ребаф мало волновало то, что пост главы дома не наследуется по родству, а отбирается по умению слушать Лора и чувствовать землю и природу. Он также даже не рассматривал вероятность того, что Тея вдруг захочет вступить в другой Дом. Еще меньше его волновала жгучая нелюбовь Теи к логистике.

План ее жизни утвержден и закреплён, и должно произойти что-то немыслимое, из ряда вон выходящее, Лор должен поменять порядок заката солнц или полностью их загасить, чтобы Тея могла отойти от этого плана хотя бы на пару пунктов.

И тогда мир чихнул.

Резкий, влажный звук, похожий на то, как лопается мыльный пузырь размером с дом. Воздух на аллее перед библиотекой дернулся, исказился, и из этого искажения с глухим ударом о каменную плиту выпало нечто.

Сначала Тея подумала, что это раненая птица. Огромная, возможно новая, очень яркая и пестрая птица. Она мешком валялась на земле, заставив всех прогуливающийся на улице студентов затихнуть и приковать к ней удивленный взгляд.

Но потом “птица” зашевелилась, выдала протяжное “О-ой, ёп...”, подняла абсолютно человеческую голову и обвела аллею мутным расфокусированным взглядом голубых глаз. Над глазами залегли зелено-фиолетовые синяки.

Девушка. В странной облегающей одежде из непонятного материала, такой яркой после приглушенных мягких тонов академической формы, что рябило в глазах. Короткие, кудрявые, такого же неестественного грязно-розового цвета волосы были взъерошены, губы почти черные, с розовыми проплешинами.

По аллее покатился протяжный женский визг.

— Чудовище!

Тея поморщилась. Кэсси Норил, из мастеров, всегда отличалась тонкой душевной организацией и излишней впечатлительность. Да, незнакомка выглядела странно, немного пугающе, и появилась внезапно, но, если присмотреться на ее лицо на пару ударов сердца дольше, заметишь, что губы

и глаза просто перепачканы какой-то краской. С волосами сложнее, но и этому должно быть объяснение.

— Ну нифига себе... — не обращая внимания на чужую истерию, хрипло пробормотала незнакомка, — Прямо настоящее фэнтези...

Алатея аккуратно сложила отцовское письма в ежедневник, закрыла его и поднялась со скамьи. Рядом тут же оказался заинтересованный Эреб, который всегда оказывался там, где происходило что-то необычное и достойное его любопытства, и всюду следовавший за ним молчаливый Шен.

Они вдвоем переглянулись. Нахмуренные брови Теи резко контрастировали с воодушевленным выражением лица Эреба и совершенно умиротворенным — Шена.

— Где я? — пролепетала незнакомка, разрывая их зрительный поединок. Она все еще сидела на земле, не предпринимая попытки подняться, и неистово вертела головой по сторонам. Глаза, и так казавшиеся больше из-за краски вокруг, с каждым мгновением расширялись сильнее.

— А где ты должна была оказаться? — весело спросил Эреб, подходя ближе. Вокруг начали собираться студенты, замыкая вокруг некое кольцо из переглядываний и шепотков.

— Дома... — девушка задрала голову и застыла, как замороженная, — Из клуба шла...

— Ты из Вита? — предположила Тея. Если девушка говорит о клубнях, то с большей долей вероятности живет в кру-

ге Вита, самом цветущем из Содружества, – К какому Дому принадлежишь?

— Никому я не принадлежу! – вдруг резко выкрикнула та, – Мы что, в Игре Престолов? Я свободный человек!

Незнакомка попыталась подняться, но колени дрогнули, и, если бы не подоспевший вовремя Эреб, она бы добила их окончательно. Сознание Теи мимолетно зацепилось за этот факт, что-то показалось ей странным и неправильным... но вот прищелица уже повисла на Эребе, беспомощно и благодарно заглядывая тому в глаза, и все мысли о камне и его нерасторопности покинули голову.

— Тебя как зовут то хоть, свободный человек? – хмыкнул Эреб. Он бросил на Тею беглый взгляд и принялся помогать незнакомке с удвоенным энтузиазмом. Та уже твердо стояла на ногах, но руками все еще цеплялась за парня, будто тот был ее единственной опорой.

— Беттани, – пропела девушка, и внезапно её лицо исказила такая мощная, ослепительная улыбка, что Тея невольно отступила на шаг, врезавшись в Шена. Он придержал ее за плечи, не дав позорно упасть, но она этого даже не заметила. В этой улыбке девушке почудилась чистая, неразбавленная победа.

— А вы... вы все тут волшебники, да? – с куда большим воодушевлением, пришедшим на смену растерянности, спросила Беттани

Слово “волшебники” повисло в воздухе, незнакомое, но

для Теи подсознательно почему-то оскорбительное.

— На каком языке ты говоришь? — голос прозвучал резко даже для нее самой. Тея выдохнула, успокаиваясь, и продолжила тем же тоном, которым говорила с отцом: уверенно-отстраненным, — Спрошу еще раз: из какого ты круга?

Беттани откинула голову и рассмеялась — звонко, беззаботно, будто Тея только что выдала потрясающую шутку.

— Ой, да расслабься, снежная королева! Я, похоже, вообще не местная, просто заблудилась. Очень, очень далеко заблудилась. — Её взгляд снова скользнул к Эребу, и в нём заиграл знакомый Тее липкий огонёк. — А ты, золотоглазый, тут, наверное, главный? Принц, что ли?

Тея увидела, как уголок губ Эреба дёрнулся. Он поймал её взгляд, и между ними, поверх головы розововолосой чужачки, пробежала целая молния безмолвного диалога.

“Прекрати паясничать.” — настоятельно рекомендовал взгляд девушки.

“Расслабься, солнышко, все узнаем.” — отвечала его широкая беззаботная улыбка.

А в тени колоннады, прислонившись к прохладному камню, Нила Конни уже достала из сумки маленький блокнот и тонкий графитовый стержень. Её глаза и уши, лишённые способности видеть и слышать волнение Лора, фиксировали чистые, неопровержимые данные, записывая хронологию событий в мельчайших деталях. В том числе ту несостыковку, которую Тея отбросила до лучших времен: коленки чу-

жачки были разбиты. Грязные раны, двумя алыми цветками расцветшие на ее ногах, сначала повергли Нилу в шок. На ее памяти никто и никогда не получал таких увечий. Лор заботился о себе и не мог причинить боль, камни должны были подстроиться, смягчить падение... но они этого не сделали.

Не успели или не захотели?

Нила записала вопрос и подчеркнула его жирной чертой.

Бет, между тем, уже оправилась от падения. Она смахнула с лица волосы, выглядевшие сейчас, как гнездо гремов, и лукаво стрельнула глазами в Эреба.

— Ну так что, золотоглазый, покажешь мне ваше... королевство? — пропела девушка.

— Коро.. что? – моргнул тот. Нила увидела, как парень слегка растерянно пробежался взглядом сначала по собственной руке, в которую вцепились мертвой хваткой, затем – вокруг, оглядывая двор в поисках того самого “королевства”, о котором говорила Бет, но натываясь взглядом только на заинтересованных дальнейшим развитием событий студентов.

Шен, до этого не проронивший ни слова и просто молча наблюдавший, вдруг вышел вперед и аккуратно, но настойчиво расцепил их руки. Нила выронила карандаш.

— Сначала нужно разобраться, почему ты не дома, – спокойно заметил парень, – Пойдем к директору, он поможет.

— Точно! – воодушевилась Бет, и, словно не распознав очевидного намека, снова схватила Эреба за руку, – Я же по-

паданка, а значит, меня должны устроить в вашу академию, на самый престижный факультет. И обязательно найти какую-то супер редкую и мощную магию! Как у вас это происходит? Шляпа, кристалл, тесты какие-то?

Эреб рассмеялся. Звонко, непринужденно, так, будто понял очень остроумную шутку. Свободной рукой он хлопнул Шена по плечу.

— Мастер, организуешь нам шляпу? А я спрошу у Лора, где есть ближайшие кристаллы. Все для наших гостей!

— Хватит, – холодно прошипела Тея, непонятно к кому обращаясь. Нила увидела, как Эреб едва заметно вздрогнул, но тут же повернулся к невесте с широкой лукавой улыбкой.

— Солнышко, ты с нами? Можешь взять на себя тесты.

Тея отвернулась и молча направилась прочь. Пусть делает что хочет, пусть устраивает шоу, выставляет себя и ее на всеобщее посмеище. Пусть. Все равно потом опять прибежит, как верный пес, и будет ластиться, другими путями выживая внимание.

На подходе к главному входу в академию ее неожиданно нагнал Шен.

— Это странно, — нахмурившись, как всегда лаконично и без объяснений сказал он.

Тея вздохнула. С Шеном она была знакома столько же, сколько и с Эребом: трое детей глав Домов, трое условных наследников, трое связанных с момента рождения людей. За все эти годы она научилась его понимать ничуть не хуже, чем

Эреб. И даже чуть лучше, чем Эреба.

— Нет, — ответила она, — Все как обычно. Дурак останется дураком при любых обстоятельствах.

— Да при чем тут Эреб, — не унимался Шен, — Я про Лора...

Тея, игнорируя насупленные брови, пошла дальше. Прощество не было чем-то из ряда вон выходящим на ее взгляд. Иногда в мире внезапно появлялись новые, до этого не существующие животные или растения, очень редко какие-то пропадали. Реки меняли течение несколько раз в цикл, большие, взрослые деревья появлялись там, где еще вчера их не было, скала по чьей-то просьбе за пару закатов солнца превращалась в большой уютный дом. Да, люди на ее памяти раньше просто так не появлялись, ну и что с того?

Может, это зверь какой новый. Вроде вырода.

Нила проводила удаляющуюся Тею глазами, пока та не скрылась в академических коридорах, а затем — сутулую широкую спину Шена, идущего обратно к Эребу и Бет. Она успела заметить, как наследник хранителей быстро отворачивается от входа в академию, и откинула голову на ствол дерева. Шершавая кора тут же стала гладкой и чуть мягкой.

Постукивая карандашом по твердой обложке тетради, Нила прокручивала в голове произошедшие события, выуживая из памяти все детали, которые могла упустить. Сосредоточению очень мешал доносящийся с аллеи шум — процессия во главе с Эребом и Бет двигалась в сторону преподава-

тельского корпуса.

Нила вздохнула. Перед прикрытыми глазами у нее снова появилась идеально прямая, будто каменная девичья спина.

О помолвке этих двоих она узнала практически сразу после поступления в академию, и уже несколько лет гадала о природе этих отношений. В ее собственном мировоззрении любовь и брак должны быть такими, как у ее родителей: крепкие доверительные отношения, тёплые прикосновения, общий смех над шуткой, понятной только двоим. У Эреба и Алатеи было не так.

Их помолвка была геополитической картой, разложенной на столе переговоров их Домов. Они оба это знали и, казалось, играли свои роли с разным темпераментом, но одинаковой безжалостностью.

Тея была неприступна. Она носила помолвку как броню — блестящие, безупречные и отталкивающие любую фамильярность. Они с Эребом находились рядом, их видели вместе практически все время, но Нила чувствовала между этими двумя дистанцию шире, чем море под Ратио. Тея не позволяла себе расслабляться в его присутствии, её улыбки были рассчитаны, а прикосновения — церемонны, будто касались не жениха, а печати Дома. Она создавала дистанцию и правила игры: они — партнёры, союз, публичное действо. И точка.

Эреб же играл с этими правилами, как мял с клубком. Он носил свою роль легко и насмешливо, и, если Тея отталкива-

ла фамильярность, он притягивал её. Ко всем подряд. Прямо как сейчас. Он давал надежду, смеялся, был солнцем, вокруг которого кружились девичьи сердца. И еще до появления странной чужачки все шептались: “Видала? Ему же с холодной рыбкой Ребаф жить. Конечно, ищет отдушину. Кто его осудит?”

Нила, привыкшая читать людей по деталям, а не по словам, видала то, чего не замечали другие. Она видала мгновения.

Видала, как взгляд Эреба, только что смеющийся и беспечный, на секунду цеплялся за спину Теи, уходящей по коридору. И в нём вспыхивало нечто острое, досадливое, будто он хотел, чтобы она обернулась. Чтобы увидела, отреагировала.

Видала, как пальцы Теи, всегда такие уверенные, слегка подрагивали, когда кто-то из его “фанаток” чересчур близко подходила к Эребу на общей лекции. Как её губы на мгновение поджимались, а подбородок задирался, выдавая напряжение, которое она принимала за контроль.

Видала, как после особенно жаркой, на грани ссоры, дискуссии на семинаре они могли разойтись, не глядя друг на друга, а потом, случайно встретившись у фонтанчика во дворе, на удар сердца замолчать. И в этом ударе между ними пробегала молния, будто в гневе они нащупали какую-то общую частоту, и теперь оба, раздражённые и смущённые, это чувствовали.

И Нила, наблюдая со стороны, понимала: их связывает не договор Домов, а именно эта борьба. Это яростное, упрямое желание быть для другого важнейшим противником, без которого и победы теряют вкус.

Сейчас произошло нечто похожее, но неуловимо отличающееся. Нила снова и снова воспроизводила в памяти момент их переглядок, удаляющуюся Тею, брошенный Эребом взгляд, и никак не могла найти смущающую ее переменную.

— Эпичное представление, согласишься?

Нила вздрогнула и распахнула глаза. Рядом, возвышаясь над ней, стоял незнакомый парень. Его светлые волосы в тени деревьев казались серыми, а глаза, направленные в сторону скрывшейся за поворотом толпы, — почти черными.

— Занятное, да, — медленно ответила Нила, прикрывая рукой блокнот, но незнакомец уже успел его разглядеть, а потому усмехнулся от ее неловкого движения.

— Что думаешь? — кивая на него, спросила парень.

— В смысле?

— Ты же все записываешь? — он сделал неопределенный жест рукой, — Поговаривают, ты прирожденный смотритель, чуть ли не будущая глава Дома.

— Кто поговаривает?

Ниле не нравилось происходящее. Повышенное внимание к ее записям нервировало, и она старалась как можно незаметнее спрятать тетрадь. Еще больше смущало то, что она видела этого парня будто впервые, хотя возраст и академи-

ческая форма намекали, что он на том же году обучения, что Эреб, Шен и Тея. Она помнит лица практически всех учащихся, так почему именно его лицо кажется ей незнакомым? Средняя, неприметная внешность, без каких-либо бросающийся в глаза деталей. Нила не любила таких людей.

— Да так, шепчутся по углам, — качнул головой парень, — Ты ведь Нила Конни, я правильно понял?

Нила кивнула.

— А твое имя, прости?..

— Велор, — он понимающе улыбнулся, — Я старше, на шестом курсе. Мы, вроде, раньше не разговаривали, что лично я считаю огромным упущением.

— Почему? — приподняла брови девушка, мельком оглядываясь по сторонам.

Велор склонил голову, и в этом движении Ниле почудилось что-то змеиное: плавное, скользящее, неуловимое.

— Я ценю внимательность, — с подтекстом, которого Нила не могла разгадать, но о котором обязательно подумает позже, ответил он. Велор присел на корточки, и постучал пальцем по ее тетради, — А ты очень внимательна.

Нила скинула его руку и встала.

— Этому можно научиться, — показательно равнодушно заметила она, отряхивая травинки с формы, — Все в твоих руках.

Она уже собиралась уйти, но прозвучавший из-за спины вопрос ее остановил.

— Как думаешь, почему Эреб так легко и показательно согласился проводить эту Бет?

Нила застыла, не поворачиваясь.

— Он любопытный, – пожала она плечами, – Это все знают.

— Любопытный, да... – Велор выпрямился и подошел к ней, шепнув практически на ухо:

— Но ты видела, как на него смотрела Алатея? Не слишком ли смелый и безрассудный поступок для того, кто всегда оборачивается на свою невесту?

Нила отскочила от него, прижав ладонь к пылающему уху.

— Я не гадаю о чужих отношениях, – прошипела она.

Это была ложь. Как раз об отношениях этих двоих она размышляла больше, чем это было необходимо, и своим вопросом Велор только что смог обличить ту ранее недостижимую переменную: слишком открытая провокация со стороны Эреба. Быстрая, неестественная, показательная.

— А ты погадай, – усмехнулся парень, отступая на шаг и поднимая руки в примирительном жесте, – На досуге.

Он развернулся и пошёл прочь — не в ту сторону, куда направились остальные, а вглубь сада, где деревья росли особенно густо. Нила смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри разрастается холодный, липкий комок тревоги.

— У тебя есть какие-то догадки? – нехотя крикнула она ему в спину.

Велор лишь развел руками, не оборачиваясь и не сбавляя

шаг.

Нила не знала этого человека, не помнила его лица. Но он знал её имя, её привычки и, кажется, её мысли прежде, чем она сама успела их сформулировать.

Она открыла блокнот и на чистой странице вывела крупными буквами:

«ВЕЛОР.»

Часть 2. После пропажи Лора.

215 лет ппл. 3-й цикл.

Руины академии.

Непонятно как уцелевшие руины академии несуществующего ныне Содружества были последним местом, куда Закари следовало идти. Но когда все остальные варианты уже исчерпаны, последний становится первым.

Зак застыл в нерешительности у огромной арки, некогда бывшей парадным входом. Арка, как и все здесь, была неправильной формы: одна ее сторона была чуть выше, а свод плавно изгибался, будто это был не камень, а застывший поток воды. Теперь этот поток был разорван. Массивные створки из неизвестного ему дерева, почерневшие от времени, висели на одной полуоторванной петле, приоткрыв черную пасть внутреннего пространства.

Об этом месте ходили пугающие легенды: вся академия, вся прилегающая к нему немалая земля, которая сейчас была дороже человеческой жизни, — это одно огромное проклятое кладбище. С этого места все началось. В этих, сейчас обвалившихся, разрушенных стенах, *тот человек* жил, учился, и вынашивал план, в итоге приведший к полному краху прежнего порядка и причинам, по которым Заку пришлось два года скитаться по кругам, каждый день рискуя жизнью.

И именно по этой причине сюда не сунется ни единый чекнутый старовер-фанатик, а значит, для Закари эта академия — самое безопасное место. И пусть на него рухнет камень, пусть во время отдыха или сна к нему лично явится призрак самого Эреба или Лора, пусть под ногами обрушится пол и затянет его к костям и останкам давно почивших — это все равно будет лучше, чем вернуться туда, откуда он когда-то с таким трудом сбежал.

Зак сделал первый шаг на оскверненную землю, и в груди мгновенно разжались стальные тиски. Напряжение, до этого сжимающее каждую мышцу его тела, схлынуло, и от внезапной перемены парень рухнул прямо за входной аркой, не сделав и пары шагов. Он сидел на голой земле и судорожно хватал ртом воздух, сейчас казавшийся самым сладким из всего, что он когда-либо пробовал.

Когда первый мандраж немного схлынул, Зак все же осторожно поднялся и продолжил путь. Он шел по академической аллее, по которой давным-давно, задолго до его рождения, сновали студенты того мира, в существовании которого сам Закари сомневался.

Все это было так странно и будоражуще. На эти земли сотни лет не ступала нога человека, и он, Закари, чувствовал себя воришкой, проникшим в чужой дом. Кое-где голая твердая земля была вспахана, будто ее прорвало изнутри. Высохшие обрубки давно мертвых деревьев торчали из нее, как пики. Сквозь тусклый свет трех солнц он видел разбросанные

повсюду вещи, к которым почему-то было боязно притрагиваться: книги, странная одежда, кухонная утварь и осколки мебели.

Что на самом деле случилось в этом месте не знал никто. Вся исконная история стерлась, будто кто-то специально подчищал факты и намеренно не давал людям узнать правды. Но человеческий язык не заткнуть никаким способом, и то тут, то там Зак за два года успел наслушаться самых разных легенд, одна интереснее другой. В чем-то они отличались, но были и неизменно общие, объединяющие их факты. Как, например, то, почему эта академия осквернена, или кто такие Эреб, Лор и Беттани, или почему сейчас на небе только три солнца вместо восьми. Но все это были лишь пересуды да домыслы: никто из знакомых ему людей воочию все восемь светил не видел, а легенды об их существовании просто передавались от стариков к детям. Доказать или опровергнуть это было невозможно, да и незачем. Сейчас их три, и жить приходилось с этим.

Где-то за спиной гроыхнуло, Зак инстинктивно присел. Такое иногда случалось: сама земля будто вздрагивала или чихала. Не так сильно, чтобы обрушивать дома, но достаточно, чтобы упасть и расквасить себе нос.

Зак встал и осторожно продолжил путь по аллее, которая вела ко главному входу. Его сердце, чудовищно громкое, бешено колотилось в неестественной, мертвой тишине. Последние два года его жизни неизменно сопровождались ка-

кими-то звуками: разговорами, криками, грохотом, шумом ветра, треском и Лор знает чем еще. Но здесь не было ни ветра, ни шелеста листвы, ни стрекотания насекомых — ничего, что напоминало бы о живом мире. Была только плотная, ватная тишина, давящая на барабанные перепонки, и запах. Не плесени и гнили, как в обычных заброшенных домах, а какой-то сладкий и жженный, как расплавленный сахар.

Он переступил порог.

Свет солнц, пробивавшийся сквозь разбитые витражи в верхней части стен и дыры в куполе, висел в зале толстыми, пыльными столбами. Под ногами хрустели осколки стекла и щебень. И повсюду — следы жизни, оборвавшейся мгновенно. Опрокинутые скамьи странной формы, повторявшие изгибы спины, столы с окаменевшими чернильницами. На одной из стен, укрытая глубокой нишей, тусклыми красками алела фреска. На ней были изображены восемь сияющих шаров над изумрудной долиной, по которой текли хрустальные реки. Зак замер, вперившись в нее. Он столько раз видел этот пейзаж во снах, но никогда и не надеялся встретить нечто подобное наяву.

Его взгляд упал на центр зала. Там, прямо под зияющей дырой в куполе, пол превратился в черное, пузырящееся стекло, будто камень на мгновение стал жидкостью от невыносимого жара, а потом застыл, запечатлев момент катастрофы.

Он резко отвернулся, чувствуя, как по спине бегут ледя-

ные мурашки. Надо было найти укрытие, а не замирать, разглядывая древние ужасы. Двигаться.

Коридоры академии расходились подобно корням гигантского дерева. Они изгибались, сужались и расширялись, иногда прерываясь нелепыми ступеньками вверх или вниз, будто архитектор был пьян или строил под музыку, которую один он слышал. Стены кое-где были покрыты странными барельефами — абстрактными узорами, напоминавшими то рост растений, то движение волн, то то какую-то странный массовый сбор. Теперь узоры были скрыты под слоем серой пленки и в некоторых местах прорезаны теми же страшными, оплавленными бороздами, что и двор. А кое-где и покрыты коркой давно запекшейся коричневой крови.

Зак выбрал самый узкий, самый неприметный коридор, ведущий вглубь, в сторону, где, как ему показалось, могла быть какая-нибудь кладовая или подсобное помещение. Чем дальше от входа, тем безопаснее. Он крался, прижимаясь к стенам, хотя прекрасно понимал, что скрываться здесь было не от кого. От врагов — да. Но от самого места? От его памяти? Не спрячешься.

Это было глупо, иррационально, но ему казалось, что все вокруг — стены, пол, барельефы и даже расплавленный пол холла — следят за каждым его движением.

Дверь в конце коридора была приоткрыта. Незнакомый металл петель скрипнул, звук, такой громкий в абсолютной тишине, заставил Зака вздрогнуть и замереть, прислушива-

ясь. Ничего. Только эхо, уползающее в темноту.

Он толкнул дверь плечом, и та, с трудом скользнув по полу, поддалась.

Комната была небольшой. Кабинет? Лаборатория? Судя по уцелевшим полкам, встроенным прямо в стены, и массивному каменному столу — да. “Как вообще такую махину в комнату затащили?” — первое, что пришло ему в голову. Окно здесь отсутствовало, и тьма была почти абсолютной. Зак достал из походной сумки один из своих главных трофеев — светящийся кристалл, найденный по пути сюда по чистой удаче. Он был тускл, заряда хватало ненадолго, но сейчас было не до экономии.

Мягкий синеватый свет выхватил из мрака хаос.

Стол был завален непонятными предметами: стеклянные шары с застывшими внутри молниями, гербарий из растений, которые уже невозможно было опознать, куча пожелтевших от времени, исписанных неряшливым спешным почерком листов бумаги. На полках стояли пустые склянки, содержимое которых давным-давно испарилось или окаменело, оставив на стенках причудливые разноцветные налеты. Пришпиленные булавками к каменной стене, как к мягкой обивке, схемы и формулы. А в углу...

В углу, прислоненная к стене, сидела фигура.

Сердце Зака остановилось. Он замер, стиснув кристалл так, что тот впился в ладонь. Сначала паника от мысли, что там затаился человек, пронзила мозг и тело иглой, но фигура

не двигалась, не дышала. Это была статуя. Но какая!

Она была высечена из неизвестного ему темного камня, но с невероятным, неестественным мастерством. Это была девушка, юная, ее лицо застыло в выражении какой-то беспомощной ярости. Глаза распахнуты, рот разинут, будто она на кого-то кричала. Одна рука была прижата к груди, другая — вытянута вперед, пальцы слегка согнуты, как если бы в последний момент они пытались что-то удержать или от чего-то отгородиться. Ее одежда, застывшие складки странной рубашки и широких брюк, даже отдельные пряди волос — все было проработано с пугающей точностью. Ни один человек, ни один ведун не смог бы создать подобное.

Мифы говорили, что Эреб, слившийся с Лором, обладал такой силой, что он мог обращать живую плоть в немую глыбу. Может ли быть, что это — одна из его жертв? Одна из тех, кто был здесь в тот последний день.

Зак медленно подошел ближе, направив на статую кристалл. Свет скользнул по каменным щекам, и ему вдруг неудержимо захотелось притронуться к ней, снять наваждение, удостовериться, что это просто холодный, мертвый камень. Просто для успокоения, чтобы больше не оглядываться на жуткую статую и спокойно идти дальше. Он потянулся и аккуратно, самыми кончиками пальцев, коснулся вытянутой руки.

Камень был теплым.

Он резко отдернул руку, как от огня. Это невозможно.

Камень, простоявший сотни лет в холодных руинах, не мог быть теплым, как живая плоть. Он прикоснулся снова, уже всей ладонью. Да. Не тепло человеческого тела, но и не лед мертвой породы. Такое ровное, смутное, будто глубоко внутри все еще тлели угли.

Он задержался пальцами на чужой руке, а потом услышал звук, которого совершенно точно не могло быть в этой пустой комнате: тихий, судорожный вздох. Не его.

Зак отпрыгнул назад, ударившись спиной о стол. Световой кристалл выпал из его оцепеневших пальцев и покатился по полу, выписывая на камне сумасшедшие синие круги. В этом мелькающем свете он увидел, как ресницы на каменном лице девушки дрогнули.

Небольшая паутина трещин пробежала от уголка ее глаза к виску. Послышался тихий хруст, а затем, медленно, словно противясь тысячелетней тяжести, каменные веки начали подниматься.

Из-под них глянули живые, ясные, цвета весенней листвы глаза, полные такого праведного гнева, что Закри, забыв обо всем на свете, прошептал одно-единственное слово, которое пришло в опустевшую голову:

— Лор...

Глаза сфокусировались на нем. Каменные губы, еще не обретшие гибкости, дрогнули. Голос, который раздался, был похож на скрип древних ветвей или шелест сухих листьев, но в нем была ясность и непонятная будоражащая сила.

— Нет, — проскрипела статуя, — Но... и его найдем.

Девушка с усилием поднимает руку — на землю с грохотом, поднимая клубы пыли и грязи, падают куски камня. Разминает освобожденные пальцы, а затем сжимает и размашисто бьет себя кулаком в грудь, разбивая вековое обмундирование. Треск кажется оглушительным, а вслед за ним раздается натужный девичий кашель. Она трясет головой, трет глаза в попытке избавиться от забившейся в них пыли, и осторожно, потихоньку, придерживаясь за стену, поднимается на ноги. Даже сквозь ее широкие штаны Зак замечает, как трясутся ее ноги, но она упрямо расправляет спину, вытягиваясь в полный рост

Зак было по инерции вскочил, намереваясь помочь, но вздернутая рука и треснутый сухой голос его остановили:

— Стоять!

Он замер у стола, наблюдая, как девушка неспешно отрывается непослушными руками, выдыхает и наконец поднимает на него глаза.

— Ты кто такой?

— Закари... — происходящее было таким не укладывающимся в голове абсурдом, что Зак ответил, не задумываясь.

Но девушку это не удовлетворило. Она нахмурилась, скривилась недовольно.

— Мне это ни о чем не говорит. Чей род? К какому дому принадлежишь?

— Какому дому?

— Лор вездесущий, опять! Не тормози! Смотрители, мастера? Точно не хранители. Чей круг?

Зак ничего не ответил. При всем желании не смог бы — вопрос незнакомки поставил его в тупик, ничего из его перечеленного не отзывалось в голове. Он стоял и просто ее разглядывал: черные волосы были растрепаны и перепачканы, казались серыми из-за забившейся пыли. Похожим оттенком отливала и кожа, под зелеными глазами залегли глубокие тени, а губы были сухие и потресканные. Старомодная одежда, похожая на какую-то стандартизированную форму с золотой эмблемой то ли вихря, то ли спирали, которую он уже видел на стенах академии, мешком висела на худом теле. Из под выреза рубашки торчали острые ключицы.

— Дурной, что ли? — снисходительно, с легким намеком на жалость спросила девушка.

— Я не понимаю, о каких домах речь, — спокойно ответил Зак, не обращая внимания на грубость, — Мой дом далеко отсюда.

— Из Мотуса? Не похож... — сделала она какой-то свой вывод, — Но ведь у вас тоже... Впрочем, неважно. Сколько времени я проторчала здесь?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Зак, поднимая кристалл и на всякий случай делая малюсенький шагок к двери, — Сейчас двести пятнадцатый год п.п.л.

— П.п.л?

— После пропажи Лора.

Его слова возымели на нее странный эффект. Она расмеялась, хрипло, зло, заставив Зака вздрогнуть всем телом и инстинктивно дернуться, но в этом смехе он услышал какую-то истеричность.

— Что за бред? Кто придумал это исчисление? После пропажи... — ее смех начал затухать, пока и вовсе не оборвался, — После пропажи Лора... Ты имеешь в виду, после его слияния с Эребом?

— Ну, по легенде... — сам Зак не то чтобы сильно верил в эти легенды. По определенным причинам они скорее вызвали в нем стойкую неприязнь, но это было устоявшееся общественное решение, фактически история, так что он хотя бы устно ее придерживался.

— То есть ты хочешь сказать, что я провела тут двести лет?

— Я ничего не хочу сказать. Я даже не знаю, кто вы, просто констатирую факт.

На самом деле он сам уже не до конца был уверен в своей позиции. На его глазах произошло то, что описывалось в мифах, которые Зак старательно отвергал, то, чего в его реальной, современной жизни просто не могло быть. При всех своих предубеждениях в такой ситуации начнешь сомневаться.

Девушка постояла еще немного, смотря на Зака подозрительно, будто ожидая, что он сейчас рассмеется и сознается в глупой шутке. Но Закари никогда не был шутником.

Она закрыла глаза, сделала пару глубоких вдохов.

— Быть того не может... Нет... Двести... Этот гребаный выродок сын...

В следующее мгновение девушка оттолкнулась от стены и выбежала из комнаты, пихнув по пути Зака. Он, сам не понимая зачем, побежал за ней.

Девушка металась из угла в угол, из коридора в коридор, врывалась в комнаты, распахивая двери. На первый взгляд ее передвижения были хаотичны, но при каждом новом повороте становилось понятно, что она прекрасно ориентируется в этом здании. Она уверенно сворачивала по коридорам, не врезалась в полутьме в ниши, а, ворвавшись в комнату, четко и точно осматривала определенные места, будто зная, где и что там находится.

Замерла она только в холле, перед тем самым стеклянным полом. Долго всматривалась в него, стоя неподвижно, словно снова окаменев, хотя до этого шаталась при ходьбе. Он не знал, что сейчас происходит у нее в голове, о чем она думает или что вспоминает, глядя на этот расплавленный пол, но стоять позади и наблюдать было неуютно. Зак не знал, почему пошел за ней, зачем вообще остался в этой академии, а не сбежал, как только почувствовал тепло камня на ладони. Возможно, потому, что очень важный и дорогой ему человек однажды сказал, что здесь он найдет свое спасение, и Заку хотелось в это верить. Но какое спасение может быть в старых развалинах и странной, казавшейся сумасшедшей девице, вылезшей прямо из камня?

Вторя его мыслям, девушка вдруг упала на колени, стукнувшись ими о пол так, что даже Зак поморщился от фантомной боли. Она уперлась руками в выжженное стекло, опустила голову, и по холлу прокатился громкий надрывный крик, рикошета от плавных изгибов стен и впиваясь прямо в мозг.

— Нила! Шен! Нила!

Она выла зверем, упираясь лбом в пол, пока по искривленному отчаянием лицу непрерывно лились слезы. Сгорбленная, сломленная фигура заставила Зака отвести глаза и поджать губы. Ее торчащие позвонки на согнутой спине было видно даже сквозь ткань рубашки, а пальца впивались в оплавленный камень в такой силой, что ломались ногти.

— Я убью его, — тихий, полный ярости то ли шепот, то ли рык, — Его, всех его потомков, всех близких... Всех убью...

— Вряд ли у него есть потомки, — осторожно и как можно мягче произнес Зак, подходя ближе.

— Тебе-то откуда знать? — вскинулась девушка, подняв на Зака безумные воспаленные глаза, — Он чекнутый, под стать этой взбаломошной дуре. Он не мог просто сдохнуть, наверняка остались те, кто до сих пор его помнят и разделяет их безумные взгляды...

С этим Зак действительно не мог поспорить: Эреба помнили все. Ведомство старательно связало его имя со всем плохим, что происходило в мире, и теперь слово “Эреб” стало чуть ли не синонимом к краху, разрушению и предатель-

ству. Зак не мог и подумать о том, что здесь произошло и что именно значит для девушки этот обугленный пол, но сомневаться в том, что ненависть к Эребу появилась не без причины, не стоило.

Девушка, пошатываясь, поднялась, и молча направилась к входным дверям. Выходить из здания Заку категорически не хотелось, к тому же, если она просто уйдет — ему же лучше, правда? Правда.

Но он снова пошел за ней.

215 лет ппл. 3-й цикл.

Мужчина с глазами из солнца.

Они вышли на ту же аллею. Зак настороженно обводил взглядом окрестности, в любой момент готовый к атаке, и не сразу заметил, как девушка остановилась. Он врезался ей в спину, совсем немного. Легкий тычок, который иной человек и не заметил бы, но девушка пошатнулась и упала на колени, врезавшись руками в землю. Зак тут же кинулся на помощь, но она жестом остановила его. Повернулась, легла на спину поудобнее и закрыла глаза, пока Зак, как последний дурак, стоял над ней с протянутой рукой.

Она лежала довольно долго, морщилась, хмурилась, будто к чему-то прислушиваясь. В какой-то момент ему даже показалось, что уснула. Парень стоял над ней, нервно переминаясь с ноги на ногу, не решаясь сделать хоть что-то, настолько абсурдным ему казалось происходящее. Вспомнилось, как больно и неудобно лежать на голой земле, когда мелкие камешки и веточки упираются в спину. Он уже наклонился и открыл рот, чтобы позвать ее, как девушка резко распахнула глаза и уставилась в серое небо, будто стремясь разогнать тучи взглядом.

— Должно быть, это сон, — пробормотала она, — Точ-

но, эта истеричка Бет все-таки смогла проникнуть в мое сознание, и теперь издевается. Я лежу где-нибудь в коридоре, через меня переступают, а она стоит рядом и ухахатывается своим визглявым смехом.

“Проникнуть в сознание? Бет? Она говорит о той самой Беттани?” – быстро пронеслось в голове Зака, но додумать он не успел.

Хлесь!

Рука девушки оставила на ее собственной бледной щеке яркий красный след. Зак перехватил чужую руку, вздернул, вынуждая подняться с земли. Девушка весила всего ничего, и практически подлетела от его рывка, как тряпичная кукла, хотя парень никогда не отличался особой силой.

— Вы что творите?! — закричал он, отпуская ее руку.

— Пытаюсь прекратить кошмар, — на ее лице блуждала легкая улыбка, но глаза были застывшие, как у мертвой рыбы.

Девушка оглянулась, обведя всю аллею невидящим взглядом, остановившись на ближайшем треснувшем сухом дереве.

— Нила, ты только посмотри, во что из-за этой твари превратился наш мир, — покачала она головой, обращаясь непонятно к кому, — А ты еще бубнела на меня, что я себя с ней грубо веду. Надо было вообще травануть по-тихому. Помучилась бы пару ночей, и всего-то... А теперь...

Она медленно подошла к дереву и приложила к нему ла-

донь. Погладила шершавый ствол, нежно и любовно, будто старого друга, и Заку померещилось, что очертания коры под ее пальцами поплыли, словно она трогала не сухой твердый материал, а мягкую податливую глину. Постояв неподвижно пару ударов, девушка убрала ладонь...

Увиденное заставило его желудок подскочить, в горле встал тошнотворный ком.

Там, где только что была ее рука, проклюнулись робкие зеленые ростки.

— Вы... ведунья? — через силу выдавил Зак, пятясь назад.

— Ведунья? — безразлично спросила девушка, придиричливо осматривая свое творение и аккуратно, едва касаясь, ведя по почкам пальцами.

— Да или нет? Отвечайте! — воскликнул Зак, и не сводя с нее взгляда, протянул руку к поясному ножу за спиной.

Девушка подняла на него сузившиеся злые глаза.

— Не кричи на меня, мальчик, — прошипела она, — Я понятия не имею, как ты меня обозвал, так что прикажешь отвечать? Какой правильный ответ, чтобы ты не бросился на меня со своей зубочисткой?

Зак застыл. Он всматривался в ее суровое лицо с вызывающе вскинутой бровью и, помедлив, опустил руку. Если бы она и правда была ведуньей, у нее не было бы никакой необходимости отнекиваться. Оглушила бы его без усилий и вернула бы туда, откуда он сбежал. Или изначально бы не

стала так подставляться,показывая свои способности.

“Совсем параноиком стал, — Зак тряхнул головой, — Да-же думать разучился.”

— Но как тогда вы это сделали? — кивнул он на дерево. Девушка равнодушно проследила за его взглядом: ростки увеличивались на глазах.

— А что,за двести лет вы этому так и не научились? — безжалостно усмехнулась она, — Похоже,эти пресловутые ведуны самые умные из вас, единственные, кто додумались. Я же правильно понимаю, они так умеют? А что еще они умеют?

— О, много чего, — в тон ей съязвил Зак, — Контролировать воду, урожаи, строить стены, которые не берут осадные орудия. Основывать гильдии и советы, и выбирать, кто будет есть в этом году, а кто — умирать с голоду. А еще предоставлять свои «услуги» в обмен на жизнь. А вот править у них, честно говоря, получается не очень, но это так, между нами.

Девушка, ничуть не смутившись его иронии, задумчиво склонила голову.

— А почему люди терпят это? — спросила она, — Или сами не научатся делать то же самое? Зачем им какие-то отдельные люди, которые их притесняют? Что за глупости...

Зак сжал зубы. Он уже понял, что эта девушка очень многое пропустила, что она из того времени, о котором рассказывают в старых легендах как о мирном и изобильном. Возможно, из того самого, что он видел в собственных снах.

Осознать и свыкнуться с этой мыслью до конца он еще не успел, если вообще когда-нибудь сможет это сделать, но эти снисходительные, горделиво брошенные слова затронули в нем что-то, заставляющее сжимать кулаки и сдерживать гнев.

— Как вы смеете? — тихо прорычал он, чем вызвал недоуменный взгляд, — Не знаю, как вы жили раньше, но вы не имеете никакого права так пренебрежительно говорить о людях, которые борются за свое выживание! Даже не зная, кто такие ведуны, так легко рассуждаете, нужны они обществу или нет!

Он замолчал, тяжело дыша, сам испугавшись собственной вспышки. Девушка же, не впечатлившись, смотрела на него с изучающим любопытством.

— Борются за выживание, — повторила она, растягивая слова, — Интересно. А против кого именно они борются?

Зак открыл рот и закрыл. О чем ей рассказать? И стоит ли вообще?

— Ведуны плохие, они угнетают и не делятся едой, — с расстановкой, как бы рассуждая, продолжила девушка, — А люди борются с кем-то другим?

— Люди борются с миром, который каждый день пытается их убить, — выдохнув, чуть спокойнее ответил Зак, — А ведунов терпят, как единственных, кто может ему помешать.

— Лор не пытается никого убить, — нахмурилась девушка.

— А не про него и речь, — грустно улыбнулся парень, — Вашего так называемого Лора больше нет.

— Лора нет? — эхом повторила она и прикрыла глаза, прислушиваясь к чему-то, чего он никогда не услышит, а затем улыбнулась. Зло, и, как показалось Заку, ожидающе.

— Ты неправ, он есть. И очень скоро ты с ним познакомишься. — Она отряхнулась, поправила грязные, спутанные волосы, будто это чем-то могло помочь, и выпрямилась. И если там, в кабинете, Закари казалось, что ее спина была прямой, то сейчас осанка девушки напоминала железный прут.

— Раз, — загнула она палец, смотря куда-то за него, — Два... Три.

Воздух позади Закари затрещал. В землю ударила молния, волосы на загривке встали дыбом. Зак рванул в сторону, споткнувшись о корни и разбросанные обломки. Сразу повернулся лицом к угрозе, рефлекторно вскидывая одну руку, чтобы прикрыть девушку, а вторую перед собой.

На том месте, где он только что стоял, пространство будто вывернулось. Из самого воздуха, из искажения света и дрожания линий проступила фигура.

Мужчина. Загорелый, одет в простые, поношенные, но чистые одежды из грубого полотна, темнее пепла. Темно-медные длинные волосы собраны у шеи в небрежный пучок. Юное мальчишеское лицо с характерными для часто улыбающихся людей морщинками вокруг глаз резко контрастиро-

вало с насмешливо-циничным, каким-то старческим взглядом и тонкой, пергаментной кожей. Янтарные глаза чуть светились, и в них Зак увидел отблеск тех самых восьми солнц.

Зак не дышал. Он узнал это лицо. Никогда не видевший изображений, даже не особо задумавшийся о его внешности, Зак мгновенно понял, кто перед ним. Эреб. Тот, о ком перешептывались за закрытыми дверями, тот, кто погубил мир, тот, из-за кого Зак сейчас вынужден скитаться по кругам и скрываться.

Эреб не смотрел на Зака. Его взгляд был направлен за его спину, тяжелый и немигающий. Закари подобрался, готовый к чему угодно: угрозам, нападению, и даже к скоропостижной смерти. Давящая тишина длилась три удара сердца. Но мужчина вдруг моргнул, — и будто стал совершенно другим человеком. Он расплылся в широкой кошачьей улыбке, развел в стороны руки, как для объятий.

— Тея, мое девятое солнышко! Сколько циклов. Как поживаешь?

На предплечье Зака легла тонкая ладонь, надавила, вынуждая опустить руку. Девушка вышла из-за его спины и медленно, чеканя каждый шаг, двинулась к мужчине.

— А ты не торопился, — тягуче пропела она, и Зак не узнал этого голоса, — Неужели совсем не скучал?

— Что ты такое говоришь, ну в самом деле. Просто ждал подходящего момента. Погодка сегодня чудо, не правда ли? — Зак с сомнением кинул взгляд на серое, затянутое тучами

небо, — Самое то для воссоединения. Ой, а ты, смотрю, уже успела обзавестись поклонником? — взгляд Эреба мельком скользнул по Заку и снова устремился к девушке, — Умничка, не теряешь хватку. Но до меня еще далеко.

Он хихикнул собственной шутке и замолчал: девушка подошла к нему почти вплотную. Она смотрели друг на друга, казалось, целую вечность, но тут Эреб вдруг едва заметно кивнул, прикрыл глаза, сжал челюсть...

Хлесь!

Тонкая белая ладонь обрушилась на его щеку с куда большей силой, чем в прошлый раз на собственную. На мгновение Заку показалось, что белая девичья кожа в момент удара даже покрылась каменной коркой. Голова Эреба мотнулась в сторону, выбившиеся волосы шторой закрыли лицо.

Зак вздрогнул от неожиданности, а затем замер, ожидая взрыва. Вот сейчас молния испепелит их на месте, или земля разверзнется и похоронит их, или...

Эреб повернул голову. Щека горела алым, но на губах — совершенно счастливая, шальная улыбка.

— И удар все еще хорошо поставлен, — чуть хрипло проговорил он, не отрывая от девушки глаз.

И тогда она совершила второе немыслимое действие. Резко схватила его за ворот рубахи, притянула к себе и впилась в губы.

Мужская рука мгновенно, будто только этого и ждала, обвилась вокруг тонкой талии, притягивая еще ближе, еще

плотнее. Вторая легла на затылок, прочно удерживая голову.

Они целовались посреди мёртвого сада и разваливающегося на части мира, под бледным светом пробивающихся сквозь тучи солнц — два призрака, вцепившиеся друг в друга, будто пытаясь вновь стать одним целым или разорвать друг друга на части. Воздух вокруг них снова завибрировал, как в момент появления мужчины, и на этот раз Заку показалось, что он услышал низкий, протяжный гул, будто сама земля под их ногами застонала от боли. Или, наоборот, от облегчения.

Наконец, они разорвались. Оба тяжело дышали, прислонившись лбами, грубые мужские руки обнимали девичье лицо, не давая отстраниться.

— Я никогда не прощу тебя за это, — выдохнула она ему в губы, пристально смотря в глаза, — Двести лет, Эреб, двести лет!

— Двести двенадцать, три цикла и девятнадцать дней по старому исчислению, — со смешком поправил он, а потом сказал уже серьезно, также не отрывая глаз, — Не прощай, Алатея. Мсти мне всю мою оставшуюся жизнь, каждый день.

По щекам девушки скатились две первые слезинки.

— Нила и Шен, они...

— Да.

— Тогда? В тот же день?

Эреб кивнул, обнял девушку, прижал к себе, спрятав ее лицо на своей груди, уткнулся в волосы.

— Прости. Я не успел. Не смог.

Она обмякла в его руках, беззвучно содрогаясь от рыданий, а он гладил ее по голове и целовал волосы, шепотом непрерывно вымаливая прощения.

Зак отвёл взгляд, чувствуя себя лишним в этой древней драме. Он уставился на серую землю, на трещины в камнях, стараясь не слышать сдавленных всхлипов Теи и монотонного, как заклинание, шёпота Эреба.

“Замечательно спрятался, проблем только больше стало.” — он пнул валявшийся под ногами камешек.

В голове промелькнула мысль: если все эти мифы и легенды правда, если Эреб, Лор и Беттани действительно существовали, то, может, и во всем остальном культ был прав? Может, стоит вернуться и...

Горло Зака сдавило спазмом, его замутило. Он сжал вспотевшие ладони.

Нет. Ни за что и ни при каких обстоятельствах. Никто и ничто не заставит его по собственной воле туда вернуться. И даже если его все же схватят — живым не дастся.

Вдруг в его сознание, словно чёрный шип, вонзилось странное ощущение. Тяжёлое, липкое внимание, устремлённое на них из глубины самой академии. Оно было таким навязчивым, что Зак инстинктивно поднял голову и взгляделся в чёрный провал входных дверей.

Там, в глубине коридора, в полосе тусклого света, что падал из зала, что-то мелькнуло. Плавная, бесшумная и неесте-

ственно быстрая тень наблюдала за ними, а потом также внезапно исчезла, растворившись во тьме коридоров.

— Там кто-то есть, — хрипло произнёс Зак, прерывая момент горя. Его рука потянулась к ножу за поясом.

Девушка мгновенно дернулась в чужих руках, будто вспомнив, что у них есть свидетель. Эреб, удержав ее и не дав отстраниться, медленно поднял голову. Следы слёз, своих или чужих, ещё блестели на его ресницах, но янтарные глаза были уже чисты, остры и нечеловечески сосредоточены. Он даже не повернулся к двери, рассматривая Закари, как любопытного жука.

— Поуважительнее, юноша. Про бога все же говоришь.

— Про кого? — подняла голову Тея, пытаясь утереть лицо в цепкой хватке.

— Многие теперь так называют Лора, — объяснил Эреб как бы между делом, приподнимая ее лицо и сам утирая остатки слез ладонями, совершенно забыв про Зака.

— Он все еще там? — удивленно спросила девушка, все же выворачиваясь из его рук, игнорируя недовольный, расстроенный взгляд, — Но почему?

— Он не принимает меня, — вздохнул Эреб и отпустил ее, — Видит во мне Бет.

Тень в глубине коридора снова шевельнулась. На этот раз Зак ясно увидел сгусток тьмы, в которой переливались, как масляные пятна, блёклые цвета: гнилостно-зелёный, болотный, цвет ржавчины и засохшей крови. Очертания её были

текучими, бесформенными, но в них угадывалось нечто... знакомое. Огромное, скрюченное, похожее на спящего зверя.

— Может, тебя послушает? — бодрым тоном, совершенно не вяжущимся с царившей вокруг атмосферой, предположил Эреб, — Между вами с Бет всегда ощущался легкий холодок, ему должно понравится.

— “Легкий холодок”, — передразнила его Тея и пихнула острым локтем в бок. Мужчина театрально охнул и согнулся, будто его копьем прошили, — С чего ему меня слушать? Ты у нас главный переговорщик, у меня и в лучшие годы не получалось.

— Ну, знаешь, с тех пор многое изменилось, — мужчина приподнял брови, как бы невзначай оглядывая аллею, — Ты ведь заметила, да?

— Разве? — притворно удивилась Тея, — А мне показалось, ты просто чихнул неудачно.

— Ну, в целом, так и есть, — криво улыбнулся Эреб.

Зак нервно переминался с ноги на ногу, непрерывно бросая взгляды на вход в академию. Никаких теней там больше не было видно, но осознание, что где-то там, в глубине разрушенных коридоров, притаилось самое могущественное и, по всей видимости, не слишком благосклонно настроенное существо, которое только может быть, заставляло изрядно напрячься. И еще большее недоумение у него вызывало расслабленное поведение этих двоих: стоят, переругивают-

ся, улыбаются, как будто просто вышли на послеобеденный променад.

А один из них, между прочим, мир разрушил.

— Вы — тот самый Эреб? — напряженно спросил Зак,
— Из легенд? Вы живы?

Мужчина посмотрел на него чуть удивленно, внимательно оглядел себя, покрутился под осуждающим взглядом Теи, и неловко улыбнулся.

— Ну как сказать — жив, — он развел руки в стороны,
— Примерно на треть.

— О, на треть... — протянул Зак, чувствуя, как внутри закипает злость. — Оказывается, и этого достаточно, чтобы испортить жизнь миллионам людей. Буду знать.

Зак сам не понимал, откуда в нем взялось столько смелости, чтобы дерзить этому человеку. Наверно, когда тебе нечего терять и самое страшное, что могло случиться, уже случилось, к некоторым вещам начинаешь относиться проще. И хотя самое страшное для Закари — возвращение к ведунам, учитывая их с Эребом отношения ему казалось, что тот не поведет его к ним под белы ручки. Скорее сам прикончит, но не поведет.

Эреб тем временем моргнул. Потом медленно повернулся к Тее.

— Почему на меня постоянно орут твои воздыхатели?

— Он не орет на тебя, а задает правильные вопросы, — отрезала Тея. — И он не мой воздыхатель. Не увиливай от

ответа.

— От какого ответа? — Эреб изобразил искреннее недоумение, но в глазах мелькнуло что-то... Зак не успел понять, что именно, потому что Тея уже ткнула пальцем ему в грудь.

— От ответа на вопрос, который мальчик задал. Ты жив?

— Тея, ну что за допрос с пристрастием? — Эреб попытался увернуться, но она вцепилась пальцами в его рубашку, не отпуская. — Жив, не жив... Какая разница? Я здесь, ты здесь, он зачем-то тоже здесь, — кивнул он на Зака, — И даже мир почти на месте. Разве этого недостаточно?

Тея сверлила его взглядом несколько ударов сердца, а потом резко отпустила, отступила на шаг, покачав головой. В ее взгляде Зак заметил что-то очень похожее на разочарование.

— Хорошо, хочешь строить из себя дурачка — пожалуйста. В конце концов, врожденные таланты никуда не исчезают даже спустя двести лет, — уголки ее губ дрогнули вниз, а затем она повернулась к Заку, — Пойдем, спросим сами, — и, не дожидаясь ответа и не взглянув больше на Эреба, направилась обратно к академии.

Закари кинул быстрый взгляд на хмурого Эреба и пошел за ней. Через пару шагов услышал за спиной тяжелый вздох и легкие размеренные шаги.

215 лет ппл. 3-й цикл.

Кем ты стала, Беттани?

Они зашли обратно в академию. Эреб обогнал Зака, и теперь обвивался вокруг Теи, как змея, не выпуская из рук ни на миг, пока Зак понуро плелся следом. Вся эта ситуация ему не нравилась. Он искал спокойной, тихой жизни, в отдалении ото всех, а наткнулся на существ, можно сказать, из другого мира, и сейчас зачем-то шел за ними, хотя прекрасно осознавал, что каждый шаг затягивает его все глубже в паутину, из которой он с таким усилием когда-то выкарабкался.

Зак раздраженно мотнул головой, отгоняя подобные мысли. Он врет сам себе. Изначально, идя в академию, только сбежав из Ведомства, он искал не легкой и спокойной жизни, а именно этого: способа. Возможности противостоять. И плевать, что за два года он потерял на это всякую надежду, и заходил в академию с полной уверенностью, что это лишь развалины и ничего он там не найдет. Все же его отправили сюда не просто так.

Легенды гласили, что давным давно мир был совершенно иным. В нем не было голода, не было войн, не было рабства и преследований, зато были восемь ярких теплых солнц, плодородная почва и мир. Но однажды все изменилось. Неиз-

вестно откуда, из каких-то очень далеких земель прибыла девушка. Она была странной, говорила на ломаном наречии, носила диковинные одежды и обладала силами, которых никто не видел. Она очаровала многих, но её истинной целью был Лор. И благодаря ему, Эребу из Дома Хранителей, тому, кто должен был защищать и оберегать Лора, у нее получилось. Завистливый, властолюбивый и невероятно одарённый юноша, он не хотел просто «слышать» Лора. Он хотел владеть им. Пока другие учились просить, он экспериментировал, искал способ, как заставить мир подчиниться, и нашёл его. Он использовал ту странную пришлицу, Беттани, как ключ и как громоотвод. Пока её чуждая сущность расстрожила и ослабила сознание Лора, Эреб нанёс решающий удар — вонзил свою волю в самое сердце мироздания, чтобы слиться с ним и стать единственным богом.

Но Лор был слишком огромен, слишком жив. Слияние стало не подчинением, но мучительным симбиозом, катастрофой. Сознание бога, искажённое болью и чуждой волей, не смогло больше поддерживать цикл. Солнца стали гаснуть, природа разрушала сама себя, гармония рухнула, а Эреб, получив титаническую силу, оказался в ловушке собственного черепа, навеки скованным безумием того, кого он пытался поработить. Он сбежал, прятался по улам бывшего содружества, пока снаружи его творение — новый, жестокий и голодный мир — пожирал его современников.

Зак всегда считал эти истории примитивными сказками

— удобным мифом, чтобы объяснить, почему всё так ужасно. Да, он видел мир, о котором говорили, во снах, но не представлял, во-первых, как можно было так быстро все порушить, а во-вторых — зачем. Если ты изначально живешь в счастье, как тебе может прийти в голову от него отказаться? Насколько гнилым и честолюбивым должен быть человек, чтобы ради мнимой, никому не нужной власти ставить на кон нынешнее благополучие, причем не только свое?

В этом отношении Эреб представал перед глазами Зака даже более мерзким существом, чем ведуны.

Но теперь, глядя на спину этого «мифа», он чувствовал, как сказка обретает плоть и кровь, и плоть эта была тёплой, а кровь — живой. Эреб что-то шептал Тее на ухо, и та, хоть и держалась холодно, слегка наклонила к нему голову, ловя каждое слово. В их движениях была та самая древняя, невыносимая для постороннего взгляда близость, которая пережила века, камень и конец света.

— Куда мы идем? — спросил Зак. Смотреть на этих двоих было странно, как будто подглядываешь в окно чужого дома, пока сам бесцельно скитаешься по темным улицам.

Эреб остановился и обернулся на него.

— А ты зачем с нами идешь? Тея, кто это вообще такой?

— Закари, — тоже оборачиваясь, ответила девушка, — Я так и не поняла, к какому Дому он принадлежит. Даже фамилии не назвал.

— Сейчас вообще нет Домов, солнышко, — со странной

улыбкой, будто приклеившейся к его губам, сказал Эреб.

Алатея поджала губы.

— Могла бы и догадаться. Потом расскажете мне все по порядку. Что случилось за эти двести лет, куда делись дома, кто такие ведуны, и какое сейчас, во имя Лора, время? Три от заката или от рассвета?

— Что? — не понял Зак, — Какого рассвета?

— Третье солнце, — девушка указала пальцем в потолок, — Оно гаснет или загорается? Мы столько времени проторчали на улице, но я так и не поняла.

Зак ничего не ответил. Говорить правду было как-то грустно и почему-то немножечко стыдно, как будто он сам, лично, сломал вещь, которую ему отдали на хранение.

— Они не загораются и не гаснут теперь, — вместо него ответил Эреб, совершенно, как показалось Заку, не чувствуя себя виноватым, — Просто горят. Постоянно.

— Но их же всего три?..

— Да..

Эреб вдруг отлипнул от девушки, отошел на пару шагов, рассматривая ее пристально, с головы до пят, а потом отвел взгляд.

— Да, родная. Ты слишком рано проснулась, я не успел еще навести порядок, — он протянул к ней руку, ладонью вверх, и над ней зажегся маленький зеленый огонек, — Поспи еще немного. Я разбужу, как все подготавлию.

Огонек ринулся к девушке. Зак сорвался с места.

“Убьет, не успею! Не сможет увернуться!”

Но она и не собиралась уворачиваться. Взмахнула рукой, будто отгоняя назойливую букашку, и огонек, подвластный движению ее руки, описал дугу и полетел в сторону, прямо в большое дерево в кадке. Он врезался в ствол, и тот начал грубеть, стремительно, слой за слоем покрываясь камнем.

Зак замер в нелепой позе, а девушка сощурилась.

— Ты серьезно? — прошипела она, — Опять?!

— Попытка не пытка, — пожал плечами Эреб.

— Я покажу тебе пытку! — она в пару шагов преодолела разделяющее их расстояние и толкнула мужчину, — В прошлый раз я не ожидала от тебя такой подлости, Эреб Долен, но сейчас ты уже повторяешься. Не хочешь меня видеть — так и скажи, я уйду восвояси! Но запирать меня в этой каменной глыбе не надо, дорогой, — поморщилась она.

— Тея, что ты несешь, — скривился Эреб, беря ее руку в свои ладони, — Что значит “не хочу видеть”? Ты же сама понимаешь, что сейчас не лучшее время для свиданий. Какой смысл было ждать столько лет, если, проснувшись, ты застала условия еще хуже, чем были? Поспи еще немного, я разбужу, как наведу здесь порядок...

— У вас было больше двухсот лет, чтобы разобраться, но и этого не хватило, — тихо заметил Зак, и тут же прикусил язык. Это была не его ссора, не следовало лезть, но девушка вдруг указала на него и согласно кивнула:

— Вот именно!

Эреб перевел на него потемневшие глаза и ехидно усмехнулся.

— Ты посмотри, защитничек нашелся. Вы все такие умные... Вас этому старшие ведуны обучают? Есть отдельный курс: “Как правильно ненавидеть Эреба Долена”?

Зак хотел съязвить, что таки да, есть, но Тея перебила его:

— Так ты тоже из этих “ведунов”? — удивленно спросила она, — А чего на меня с ножиком кидался?

— Я не кидался, — пробубнел Зак, остывая, — И я не ведун. Просто вырос у них.

— Странно тогда, что ты их так не любишь, — девушка склонила голову, смотря на него внимательно и пронзительно, так, что Заку стало не по себе, — Видимо, у тебя на это причин чуть больше, чем у остальных людей, про которых ты говорил, так?

Зак кивнул. В груди разлилась теплая благодарность: она не стала копать глубже, не стала расспрашивать, а поняла все с полуслова. Выглядит довольно молодой, лет на десять старше него, но, то ли эти двести лет не прошли как отреченный сон, то ли она всегда была такой тактичной, эта мудрая учтивость смягчила его гнев.

— Что вы собираетесь делать дальше? — примирительно спросил он.

— Помочь хочешь или помешать? — издевательски уточнил Эреб, переводя настороженный взгляд с него на Тею.

Ответа на этот вопрос у Зака не было даже для самого се-

бя. Сейчас собственная и всеобщая ненависть как никогда отдавала стойким привкусом страха и горделивой фанатичности: Ведомство боялось его, боялось старого порядка и в тоже время стремилось его вернуть, хотя никогда и не жило в нем, а люди просто пересказывали старые байки, потому что им надо было кого-то ненавидеть.

— Прежде, чем что-либо предпринимать, мне нужно понять, что вообще происходит за пределами академии, — устало сказала Тея, — И поесть желательно.

— Точно, тебе же нужно есть... — немного виновато кивнул Эреб и огляделся по сторонам будто ожидая, что из трещин в камне прорастут хлебные колосья. Его взгляд без налета постоянной насмешки был непривычно беспомощным. — У меня с собой ничего нет. Я не...

Он не договорил, но Зак понял. Он не ел. Он, сросшийся с Лором, давно перестал нуждаться в такой примитивной вещи, как пища.

— У меня есть, — робко сказал Зак, доставая из-под рубахи небольшой, тщательно завёрнутый в вощёную ткань сверток. — Лепешки из жмыха и мерзлой картошки. И немного вяленого мяса крысокрота.

Он протянул свёрток Тее, избегая смотреть ей в глаза. Стыд горел у него за щеками. В его мире, где еду отбирают также часто, как и жизнь, он всегда хранил запасы как можно ближе к телу, пряча от посторонних глаз, и доставать их, а тем более предлагать, было непривычно и неловко.

Тея взяла свёрток без тени безгливости. Её пальцы, изящные и бледные, быстро развернули ткань. Она отломила кусок твёрдой, серой лепёшки, внимательно рассмотрела его, а потом откусила. Жевала медленно, сосредоточенно, будто разбирая на составляющие.

— Запах отчаяния, вкус боли земли, — тихо, поэтично констатировала она, глядя в пространство. — Но... питательно. Спасибо, Закари.

Эреб наблюдал за ней с таким выражением, будто видел чудо. Как она ела. Как глотала. Простые человеческие действия, которые для него стали воспоминанием из другой жизни.

— Воду, — протянула Тея руку, поморщившись от сухости во рту.

— С водой сложнее, — почему-то виновато сказал Зак. — Колодец во дворе завален, а дождевую не собрать — кислотная. Приходится покупать у ведунов или тащить из охраняемых источников.

— Покупать... воду, — Тея произнесла это так, будто слова не складывались в осмысленную фразу. Она посмотрела на Эреба. — Ты слышишь? Они покупают.... Подожди. Кислотные дожди?! — она воззрилась на мужчину в искреннем негодовании.

Эреб закатил глаза.

— Не всегда. Иногда только.

— Да, кстати, об этом, — аккуратно начал Зак, — Вы

же... ну как бы... бог. Зачем нам кислотные дожди, почему нельзя сделать их из чистой воды?

— А ты можешь пошевелить ушами? — внезапно зло прошипел Эреб. В ответ на две пары недоуменных глаз объяснил: — Вот у тебя есть тело, ты можешь пошевелить пальцем. А ушами что, сложно? Или ногти за миг отрастить? Ну же, Закари, я хочу сейчас же увидеть твой отросший ноготь на мизинце!

— Эреб, успокойся, — Тея мягко положила руку ему на плечо, и мужчина глубоко выдохнул, — Он не винит тебя, просто спрашивает.

— Да знаю я, — проворчал он уже спокойнее, — Но они все спрашивают. И я сам тоже... спрашиваю. — Он вдруг отошел к ближайшей стене, покрытой странным, переливчатым налётом, и приложил к ней ладонь.

— Здесь есть чистый конденсат, — пояснил он.

Из-под его ладони со слабым шипением начала сочиться влага. Тонкая прозрачная плёнка, которая собралась в дрожавшую, идеально круглую каплю. Она повисла на кончике пальца, сверкая, как драгоценный камень. Мужчина сложил ладони лодочкой, и постепенно капли собирались там, пока полностью не наполнили импровизированный сосуд.

Эреб осторожно перенёс их ко рту Теи, и та не сопротивлялась. Пригубила, прикрыв от блаженства глаза.

— И правда чистая... напоминает росу в саду отца, — выдохнула она с легкой грустной улыбкой.

“Видела ли она смерть своих родителей, или заснула в камне, так и не попрощавшись с ними?” — глядя на эту картину со странной смесью жалости и зависти, подумал Зак.

Эреб с сомнением глянул на него, в глазах мелькнуло что-то вроде вызова.

— Тебя с рук поить не буду.

Он поднял с пола небольшой камень, которые были разбросаны тут повсюду. Миг — и его очертания поплыли, заскользили, и вот мужчина держит в руках уже вполне обычную каменную миску.

— Засранец, мог и мне такую сделать, — упрекнула его Тея.

— Ну уж нет. Зачем мне лишать тебя удовольствия лишний раз ко мне прикоснуться?

Он поднес миску к стене, и та стремительно наполнилась водой. Молча протянул ее Заку.

Он не спрашивал, хочет ли тот пить.

“Просто догадался, или действительно чувствует все вокруг, как самого себя? Даже мою жажду?” — с сомнением глядя по подношения, подумал Зак.

Он колебался. Принять воду из рук Эреба... это было похоже на предательство всего, во что он привык верить. Но горло пересохло, а в его фляге оставалось лишь грязное пойло. Он кивнул, почти нехотя.

Первая капля, холодная и невероятно чистая, коснулась губ. Вкус был непривычным, он никогда в жизни не пробо-

вал подобного: Зак как будто пригубил далёкий отголосок зелени, прохлады и абсолютной, ничем не омрачённой свежести. Вкус мира, которого он никогда не знал. И от этого стало невыносимо горько.

— Спасибо, — пробормотал он, отворачиваясь.

— Ладно, — Тея вытерла губы, и в её позе снова появилась собранность. — Поели-попили, поругались, дыхание перевели. Теперь пошли дальше.

Они прошли под раздвоенной главной лестницей, и начали спускаться вниз, в катакомбы. С каждым шагом по ступеньке Заку хотелось развернуться и броситься назад. Оттуда, снизу, веяло чем-то таким чудовищным, неправильным и несчастным, что ты чувствовал, как каждый шаг, приближающий тебя к этому существу, делает тебя похожим на него.

— Раньше тут было поуютнее. Он прям не в духе, да? — оглядываясь по сторонам, на голые закопченные стены, спросила Тея. Но в ее голосе Зак не уловил того же, что чувствовал сам: девушке явно было не по себе, хотя она и не чувствовала того же иррационального давящего страха, что и он.

— Само собой, — беззаботно ответил Эреб, — Ты тоже не милый покладистый зверек по утрам. Я уверен, когда тебя сегодня разбудили, у тебя было примерно такое же настроение.

— Об этом мы обязательно поговорим отдельно. И прекрати это называть пробуждением. Я не спала, ты меня превратил в выродков камень!

— Кто такой вырод? — вклинился Зак, чтобы хоть как-то отвлечься.

— Они вымерли лет семьдесят назад, — ответил Эреб, — На самом деле, прикольные зверьки были. Но однажды один из них сожрал пирожное Теи в саду, и с тех пор она ими ругается.

— Почему вымерли? — без особого интереса спросила Тея.

— От недоедания, — небрежно докинул Эреб, оборачиваясь на лестнице, чтобы бросить на Зака лукавый взгляд. Его лицо в отблесках дрожащего пламени факела, который он зажёл из воздуха, просто щёлкнув пальцами, казалось то ли чудовищным, то ли смешным. — Они всегда норовили съесть больше, чем вырастало вокруг.

— Ты их и вывел? — предположила Тея.

— Кто, я? Ни за что, они меня забавляли.

— Тебя вообще все забавляет.

— Ну, ты сама говорила, что я немного... как там... при-
трушенный? Так вот, Лор просто перестал их замечать, вплетать в цикл. Сначала они бесились, потом одичали, потом вымерли. — Эреб пожал плечами, как будто речь шла о за-
сохшем цветке, а не о целом виде.

Его спокойствие было жутким. Зак чувствовал, как по спине пробегают мурашки, но уже не только от страха перед тем, что внизу. От этого человека, который так легко говорил о жизни и смерти целых существ. От этого “перестал за-

мечать”.

— То есть... он может просто... забыть? А людей? — голос Зака прозвучал хрипло.

Эреб обернулся к нему снова, и теперь в янтарных глазах была древняя, усталая тяжесть, которую Зак мельком видел раньше.

— Может, — коротко сказал Эреб и повернулся, продолжая спуск. — Но не сделает, это сложно и больно. Все мы — его клетки, понимаешь? Перестать замечать, забыть о нас — всё равно что самому себе отказать в руке. Выроды были просто как пара волосинок на голове, вырвал и забыл. В остальном он терпелив, даже слишком... А-пчхи!

Громких чих разлетелся по коридору, отражаясь эхом от стен, и вместе с тем, как содрогнулось тело Эреба, содрогнулась и земля. Привычный к подобному Зак немного присел, удерживая равновесие на узких ступенях, а вот Тея покачнулась, хватаясь за стену.

— Ты за двести лет так и не научился это контролировать? — раздраженно прошипела она. Эреб снова пожал плечами.

— Почти научился. Поверь, родная, если бы каждое мое действие отражалось на мире, извержений было бы...

— Заткнись!

Зак разогнулся, продолжая путь, а в голове стучало “То есть все это время он действительно просто чихал?!”

Ступени закончились, выведя их к чему-то вроде пещеры. Стены истлели, словно прогорели изнутри, обнажив ка-

кие-то мерцающие, похожие на нервные узлы, прожилки камня, которые пульсировали тусклым, больным светом. Пол был покрыт тонким слоем серой золы, и она колыхалась, как вода, от их шагов. Воздух был густым и сладковато-гнилостным, дышать было тяжело.

Напротив лестницы была дверь, полностью заросшая каким-то красно-оранжевым плющом, так густо, что виднелась лишь ручка.

Эреб, не останавливаясь, направился прямо к ней, а вот Тея замерла, неверяще глядя на дверь.

— Эреб Долен, только не говори мне, что это то, о чем я думаю...

— Ага, — беззаботно ответил Эреб, не оборачиваясь, но в голосе сквозило едва слышное напряжение.

— Почему ты мне раньше не сказал?

— Я думал, ты поняла.

— Как я должна была понять?!

Он открыл дверь. В нос Зака ударил резкий, приторно-сладкий цветочный запах.

— Я не пойду туда... — пятась, покачала головой Тея, не отрывая широко открытых глаз от двери.

— Почему же? — с усмешкой спросил Эреб, — Поприветствуешь старую подружку, за столько лет, думаю, вам есть, что обсудить. Закари, в комнату ни ногой. Знакомься — Беттани! Прости ее за грубость, она не сможет поздороваться с тобой должным образом.

Зак заглянул в проём и почувствовал, как желудок пытается подняться к горлу.

Комната была маленькой, похоже, кладовой. Но теперь она напоминала гробницу, сотканную из кошмара и болезненной красоты. Всё пространство, от пола до потолка, было оплетено гирляндами ярких, неестественных цветов. Они горели ядовито-оранжевым, кроваво-красным, лиловым, как синяк, а стебли были толстыми и жилистыми, похожими на вены. И все они сходились, сплетались и вращались в тело, пригвождённое к дальней стене.

Когда-то это было человеком. Женщиной. Сейчас это была мумия, обтянутая сухой, потрескавшейся кожей цвета старого пергамента. Её седые и спутанные, похожие на паутину тонкие волосы были пронизаны стеблями. Пальцы рук, раскинутых в стороны и тоже приросших к стене, напоминали высохшие корни. Глазницы пусты, рот приоткрыт в беззвучном крике, застывшем на века. Из открытой грудной клетки, где должно было биться сердце, вырывался самый густой букет — огромный, пульсирующий цветок, похожий на раскрытую рану, источающую тот самый сладкий, удушливый запах. Он был какой-то несимметричный, будто с одной стороны не хватало несколько лепестков, но оттого не менее чарующий и устрашающий.

Это была Беттани. Или то, что от неё осталось. Но не она была источником ужаса.

Ужас исходил от цветов. Живых, дышащих. Их лепестки

тихо шелестели, хотя в комнате не было движения воздуха. Сок, густой и янтарный, медленно сочился по стенам. И в этом шелесте, в этой пульсации, Зак уловил ошеломивший его вихрь эмоций: тоску, ярость, растерянность, боль. И всё это было приправлено чем-то ещё — безумной, всепоглощающей любовью. Как будто растение, убившее жертву, не знало, что с ней делать дальше, и потому бесконечно лелеяло и сохраняло её останки, вплетая в свою плоть.

— Лор, — прошептал Зак, и это было не вопросом, а констатацией факта. Сейчас, увидя его вживую, он не мог даже представить, что спутает его с кем-то или чем-то еще. Это была лишь часть, половина или меньше от всеобъемлющего живого сознания целого мира, лишь его память о той, кто попыталась его подчинить, а в итоге стала вечным якорем его боли, и даже эта часть заполняла собой все сознание, давила на виски и грозила расколоть череп, который просто не мог вместить в себя нечто настолько огромное.

— Именно, — кивнул Эреб, стоя в дверях. Его голос потерял всю иронию, звучал плоско и устало. — Он не может ее отпустить. Она была первым, кто попытался его сломать, а он сломал её в ответ. А теперь как преданный любовник, убивший объект воздыхания, сидит тут и оберегает тело, не в силах ни разорвать эту болезненную связь, ни простить.

— Ну у тебя и метафоры.

Тея стояла за его спиной, бледная как полотно. Она смотрела не на тело, а на эти цветы, и в зеленых глазах плеска-

лась буря эмоций: отвращение, жалость, леденящий ужас и осознание.

— То есть ты тогда так и не смог ей помешать. Вклинился в ритуал, когда две части его сознания уже разорвались, и стал мостом между ними, пытаюсь воссоединить.

— Пытаюсь, — согласился Эреб без радости. — Не очень получается. Они не слушают, каждый тянет в свою сторону. Серьезно, родная, если у нас будут дети, я в их воспитание лезть не буду, хлопотное это дело.

Он сделал шаг в комнату. Цветы зашелестели громче. Огромный центральный цветок в груди Беттани медленно повернулся в его сторону, будто слепой глаз.

— Привет, красавица, — тихо сказал Эреб цветку. — Смотри, кого я привёл. Тея очнулась.

Шелест стал пронзительным, визгливым. Лепестки затрепетали, по стенам побежали новые струйки сока. Казалось, вся комната взволновалась, и в этом волнении не было радости. Была паника, ревность и боль. Эреб и Тея одновременно поморщились, Эреб — жалобно, Тея — брезгливо.

— Он помнит, что ты была её соперницей, что ненавидела, и до сих пор не знает, как к тебе относиться. Все еще любит по старой памяти, и ненавидит в ответ, отравленный ее сознанием.

— Какой еще соперницей, — нахмурилась Тея, но не особо уверенно, — Как будто без ее уловок с сознанием у нее когда-то был шанс.

Эреб закатил глаза.

Зак смотрел на эту сцену, и внутри что-то ныло, в ушах звенело непрерывно. Все сознание, все естество стремилось слиться с чужим, разделить его ненависть, боль, тоску, нужду в понимании и освобождении. Все окружающие краски, звуки, запахи — все померкло на фоне этого сильного чувства и желания. Он уже не видел ни Тею, ни Эреба, не слышал, он чем они говорили и спорили. Его глаза намертво были прикованы к цветку в груди давно мертвой по собственной глупости женщины.

И тогда он сделал то, чего не планировал, но чего просто не мог не сделать: тоже переступил порог.

— Не надо! — выкрикнул Эреб, но было поздно.

Комната среагировала мгновенно, словно его присутствие стало последней каплей. Цветы взметнулись, стебли, гибкие как хлысты, потянулись к нему из каждого угла с любопытным, жадным, пугающим интересом. Они обвинили его запястья, лодыжки, коснулись лица. Их прикосновение было тёплым, липким, невыносимо интимным, и в голову хлынул поток чужих ощущений.

Холод камня, в который его заточили. Вкус чужих слёз на губах. Звук женского смеха, который сначала веселил, а потом сводил с ума. Гнев Эреба, острый и жгучий, как кислота, несправедливый, обидный. Отчаяние Теи, глухое и леденящее.

И сквозь всё это — всепоглощающая, слепая тоска по че-

му-то утраченному. По гармонии, тишине. По целостности.

Зак рухнул на колени, захлёбываясь этим чужим горем, пока цветы ласково, с материнской нежностью, опутывали его всё плотнее, пытаясь впитать его, сделать частью этого вечного памятника боли.

“Я здесь для этого? — промелькнуло в его помутневшем сознании. — Для этого я был создан, для этого меня растили? Я выполнил свой долг, сделал то, что предначертано... Теперь все будет хорошо, так, как и должно быть...”

Он погружался в эти чувства полностью. Страх, ненависть, волнение, усталость — его разум и тело покидали всяческие чувства и ощущения, кроме одного: безмятежного, единственно правильного покоя.

— Отстань от него! — прогремел голос Эреба, и в нём зазвучала нечеловеческая сила. Воздух содрогнулся. Цветы, словно опалённые невидимым пламенем, отпрянули, шипя и свернув лепестки.

Зак, задыхаясь, отполз к двери. Его тело трясло, а в ушах звенело.

Эреб стоял между ним и комнатой, выпрямившись во весь рост. Его глаза стали полностью белыми, без зрачков, пылали тем самым светом восьми солнц, и в них не осталось ничего человеческого. Только древняя, безжалостная воля.

— Он мой, — сказал Эреб тихим скрежещущим голосом, — У тебя есть своя игрушка. Эту — не тронешь.

На мгновение воцарилась мёртвая тишина. Цветы замер-

ли. Затем медленно, покорно, они стали втягиваться, собираться обратно вокруг высохшего тела на стене. Шелест стал похож на тихий обиженный плач.

Эреб выдохнул, и свет в его глазах погас. Он снова выглядел просто усталым мужчиной. Повернулся к Заку и протянул руку.

— Вставай. Прости. Он... он не всегда так. Просто ты... — Эреб замолчал, вглядываясь в лицо Зака с новым пронзительным вниманием. — Похоже, ты самый удачный проект ведунов, да?

Зак смотрел на протянутую руку, как загипнотизированный, не решаясь взять. Тея молча помогла ему подняться, её пальцы ощущались на коже обжигаяще ледяными. Она смотрела на комнату, на это жуткое святилище, и на лице читалось окончательное решение.

— Его надо отсюда вытащить, — тихо сказала она. — И её отпустить уже. Она поплатилась за свои деяния, более чем.

Эреб лишь горько усмехнулся в ответ, будто она сказала что-то наивное и прекрасное, вроде “надо сегодня же накормить всех голодных”.

А Зак, всё ещё чувствуя на коже липкий след сока и эхо чужой вековой тоски в груди, понял одну простую вещь: его побег закончился. Пытаясь избежать своей участи, он пришел именно туда, где она его так терпеливо ждала.

215 лет п.п.л. 3- й цикл. Кто виноват?

— Давай попробуем с ним договориться, — помогая Заку прислониться к стене, сказала Тея, — Если потребуется, вырвем тело силой. Ее как минимум нужно вернуть в ци...

Она не договорила. Тонкая красная струйка побежала из носа, скатилась по губе в рот. Девушка скривилась с отвращением, потянулась рукой, собираясь вытереть лицо рукавом рубашки.

— Подожди, — Эреб тут же оказался рядом, перехватил ее руку. Достал из кармана брюк платок, вытер чужие губы, — Будешь потом вся перепачканная ходить и беситься... А что до Бет — она никогда и не была частью цикла, ей некуда возвращаться.

Алатея стояла и безропотно позволяла чужим рукам колдовать над своим лицом, лишь искоса, с какой-то щемящей тоской, поглядывая на платок. Когда лицо стало более или менее чистым, отобрала его резким движением и отступила на шаг.

— К тому же, я не умею, — продолжил Эреб, поглядывая на окровавленный кусок ткани, зажатый в девичьих руках, — Сейчас никто не возвращается также, как раньше.

— А как тогда провожают умерших?

Две пары глаз, янтарные и зеленые, уставились на Зака.

Тот откашлялся.

— Кто-то сжигает трупы, кто-то закапывает в землю...

— Варварство. — Тея поморщилась, — Все равно нужно...

— Отдохнуть, — перебил ее Эреб, — Вам обоим нужно отдохнуть.

— У нас нет на это времени! — взвилась Тея.

— А куда ты так спешишь, солнышко? — ласково улыбнулся Эреб, подходя к ней ближе, — Посмотри на паренька, пара ударов сердца — и сознание потеряет. Да и ты на ногах из чистого упрямства стоишь. Революция от нас никуда не денется, но два полудохлых бойца в строю — смех да и только.

— А себя ты к бойцам не причисляешь? — сощурилась Тея.

Эреб тяжело вздохнул и неожиданно подхватил девушку на руки, легко, как до этого держал миску с водой. Тея не взвизгнула, но вцепилась в его воротник мертвой хваткой, зло сверкая глазами.

— А я теперь существо эфемерное и никому не принадлежащее, — кивая Заку, что пора отсюда уходить, первым начал подниматься по лестнице Эреб.

— Да щас, — фыркнула девушка, расслабляясь в его руках, — Не забывай, Эреб Долен. Брачный контракт не рас-

торгнут, ты все еще принадлежишь мне.

Эреб споткнулся на ступеньке, улыбнулся криво и немножко грустно, и ничего не ответил.

Они поднялись на первый этаж. Возвращение далось Заку тяжело — он запыхался, в груди жгло, ноги ослабли и грозились отказать в любой момент. Эреб кинул на него быстрый взгляд через плечо, будто проверяя, дошел ли вообще, и кивнул куда-то в сторону.

— Недалеко осталось, — сказал он, — Там, через галерею, начинается жилой корпус. Комнат достаточно. Подождешь немного, я подлатаю мебель, и жить можно.

— Я и сам могу... — запротестовал Зак, но Эреб его оборвал почти раздраженно:

— Храбриться тебе не перед кем. И под “подлатаю” я имел в виду создам заново, а не починю. Но, конечно, если очень хочется, можешь поспать на пыльном полу.

— Эреб, — устало вздохнула Тея. Ее глаза то и дело прикрывались, моргание становилось все более долгим, и руки на чужих плечах расслаблялись, но она старательно пыталась сохранить власть над собственным измученным телом.

Они пересекли стеклянную галерею между корпусами. Сейчас она напоминала скелет: стекло — то, что от него осталось — было мутным, кое-где разбитым, кое-где оплавившимся от жара, который Зак не мог даже вообразить. Металлические переплётёты, когда-то изящные, покрылись ржавчиной и местами прогибались под собственным весом. Пол

под ногами был цел, но весь в трещинах, и в эти трещины давно забилась пыль, смешанная с мелким щебнем. Сквозь разбитые стёкла внутрь задувал холодный ветер.

Зак попытался представить, как здесь было раньше: ровный, прозрачный стеклянный потолок, сквозь который льётся свет восьми солнц. Чистый пол, в котором отражаются идущие студенты. По бокам — не эти ржавые развалины, а живые растения в кадках, может быть, даже цветущие. И много-много людей. Смеющихся, спешащих на лекции, обсуждающих что-то своё, важное, наполненное смыслом.

Он никогда не видел этого, но почему-то картинка встала перед глазами так ярко, будто он сам там был.

Они вышли в другой корпус. Здесь было чуть лучше — стены сохранились, пол казался более ровным, а в конце коридора виднелась дверь, ещё державшаяся на петлях.

— Жилой корпус, — прокомментировал Эреб. — Мужская половина. Женская — в соседнем крыле, но туда лучше не соваться, там потолок обвалился.

Эреб толкнул ногой ближайшую дверь, и та с жалобным скрипом открылась, явив взгляду небольшую комнату. Зак ожидал увидеть руины, но здесь было... почти уютно. Большая, просторная комната с признаками прежней обжитости. Непонятно как уцелевшие книги на полках, стол и пара стульев у окна, большой вместительный шкаф, кровать с неожиданно чистым постельным бельем.

Мужчина аккуратно ссадил Тею на кровать. Девушка сжа-

лась на белых простынях, провела по ним рукой.

— Когда только успел? — вяло поинтересовалась она.

— Пока шли, — пожал плечами Эреб.

Зак устало опустился на стул, руки мелко подрагивали. Эреб обернулся на него, его взгляд метнулся от парня к девушке, и вновь вернулся к Заку.

— Вам бы поесть нормально... Ладно, меня не будет с ползаката. Сначала раздобуду еды, потом займусь твоей комнатой. Подождите немного. Тея, не спать.

Девушка махнула на него рукой. Она сидела, облокотившись на стену, и наблюдала за происходящем из под полузакрытых глаз.

— А вы где спать будете? — спросил Зак, чтобы просто сказать хоть что-то, и тут же пожалел об этом. Мужчина посмотрел на него как на полного идиота, осмотрелся по сторонам, разводя руки.

— Это моя комната. И хоть спать мне теперь не нужно, смысла переезжать я не вижу.

Тея фыркнула, а Зак опустил глаза, чувствуя, как начинают гореть уши.

Эреб уже уходил, когда его догнал слабый вопрос Теи:

— Ты поселишь его у Шена?

Мужчина замер на пороге. Лица видно не было, но плечи напряглись, и пальцы сжали дверную ручку чуть сильнее.

— Нет. Подготовлю другую, — коротко бросил он и вышел.

В комнате воцарилась тишина. Заку было неловко, он бездумно разглядывал скучный интерьер, а девушка на кровати тихо посапывала. Помня о предупреждении Эреба, что спать ей нельзя, Зак решил нарушить тишину.

— А пол заката — это сколько? — спросил он.

— Когда одно солнце наполовину погаснет. — не открывая глаз, полушепотом ответила Тея.

— Но ведь... — Зак беспомощно замолчал, не желая напоминать ей, как сильно изменился мир. Но девушка уже и сама вспомнила.

Она открыла глаза, протерла их, села ровнее.

— Точно... А как у вас измеряется время? Как вы вообще понимаете, что наступил новый день? Или цикл?

Зак достал из кармана небольшой прозрачный шарик, внутри которого виднелся бледно-фиолетовый цветочный бутон. Сам цветок был маленький, размером с ноготь, но с тридцатью двумя длинным лепесками, расходящимися практически до самых краев прозрачной сферы.

— Светик? — приподняла брови Тея, принимая из его рук шарик.

Зак кивнул.

— Лепестки этого цветка полностью раскрываются, когда день в самом разгаре, и ближе к ночи поочередно складываются. По нему и смотрим.

— Да, я знаю... Они росли почти повсюду. Мы на них и внимания не обращали...

Зак промолчал, но внутри неприятно кольнуло. Сейчас этот цветок очень редкий, ведуны собирают его в круге Вита, самом опасном, кишашем плотоядными огромными растениями, и продают по баснословной цене. А у них он просто под ногами рос...

— А почему он не вянет? — вертя светик в руках, спросила Тея.

— Заклятье, — пожал плечами Зак, — Вот этот прозрачный материал вокруг — застывший сок дерева кцит. Внутри он жидкий и питает цветок. Ну или что-то вроде того, не вдавался в детали. Служит долго, на несколько лет хватит, если не разбить.

— А в разговоре как время отсчитываете? По лепесткам? — бережно возвращая вещь Заку, спросила Тея.

Он положил светик обратно в карман и кивнул.

— Вроде того. Так и говорим “через два сгиба”, или “на пятнадцатый сгиб”.

— Понятно, — выдохнула Тея и сжала в комок простынь, а затем тут же разгладила, — День, поделенный на тридцать два промежутка, втрое больше, чем раньше... Значит, по вашим подсчетам Эреб вернется примерно через полтора сгиба. Раньше каждое солнце гасло и загоралось с одинаковой периодичностью. Мы так и говорила: два от начала, три от конца. Когда гасло последнее, за ним тут же загоралось новое, и так по кругу. Достаточно было просто посмотреть на небо, чтобы понять, какой сейчас этап дня.

Зак посмотрел в окно. Три солнца как-будто смотрели на него в ответ с похожим удивлением от того, что когда-то так умели.

— Хотя, когда Лор слился с Эребом, система дала сбой, — хихикнула Тея, — Они мигали, тухли и загорались хаотично. Была такая вечная световая вакханалия, приходилось полагаться на внутренние ощущения. Но, видимо, он справился с этим, как смог. Нашел компромисс, — она тоже посмотрела в окно с легкой улыбкой.

Зак шутки не понял. Она смеялась над тем, как погиб прежний мир, в судорогах и конвульсиях, и хвалила того, кто сохранил малую, покалеченную часть прежнего порядка, сказав большую.

— Если вам так нравилось то, что было “до”, зачем было что-то менять? — резко спросил он.

Тея нахмурилась, повернулась к нему.

— Мы и не собирались. Это долгая история, Закари, но Эреб в ней — не злодей.

— А кто? — Зак сам не понял, почему опять так резко разозлился. Может, от усталости. Может, оттого, что она смеялась — смеялась! — над тем, как погиб прежний мир.

Тея никак не отреагировала на его вспышку. Казалось, она искренне задумалась над его вопросом, ища ответ у своей памяти и самой себя. В итоге просто вздохнула.

— Мне хочется думать, что Беттани. А как там было на самом деле... Может, мы все виноваты. Я ждала слишком дол-

го, Лор не захотел увидеть очевидной угрозы, Эрб... Возможно, он единственный в этой ситуации сделал все, что в его силах.

— А что он сделал?

Тея посмотрела на него устало. Она сидела в грязной, пыльной одежде на чистых белых простынях, худая, с воспаленными красными глазами, уставшая и измученная.

— Это очень длинная история, Закари. Ты сейчас пропустишь, чтобы я перерассказала тебе семь лет своей жизни. Давай позже, хорошо? Когда вернется Эрб, мы поедим и выспимся. Я так поняла, ты тоже увяз во всем этом по самые уши, так что я расскажу все, что знаю. Но позже.

Зак кивнул и отвернулся. Совсем недавно, только очнувшись, она сама требовала, чтобы ей рассказали все, что произошло, а это не семь лет, а двести пятнадцать. А теперь...

Но девушка сидела, закрыв глаза, ее дыхание становилось все более ровным, а тело расслабленным. Она не легла, и даже не сменила положения, но руки перестали сжимать простынь, а плечи чуть-чуть сгорбились.

“Эрб сказал не спать” — подумал Зак, но не смог представить себе ни одной другой причины или способа ее сейчас разбудить. Так и остался сидеть, наблюдая за мерно вздымающейся грудью и слушая глубокое дыхание.

Как и предполагала Тея, Эрб вернулся примерно через полтора сгиба светика. Аккуратно открыл дверь, мельком глянув на кровать, будто и так знал, что она не послушает-

ся его и заснет. С собой у него был поднос, с которого он тихо поставил на стол две миски с похлебкой, напоминающим тушеное мясо, только светлее и пахнущее гораздо лучше, кувшин с чем-то горячим и несколько ломтей почти черного хлеба. Пока Зак заворожено пялился на миски, Эреб присел на край кровати и легонько погладил Тею по голове. Девушка чуть склонилась к его руке, но не проснулась.

— Давно? — спросил Эреб.

— Почти сразу после того, как вы ушли, — сдал ее Зак.
— Я не будил.

— И правильно, — Эреб сел на стул, устало потёр лицо.
— Если бы разбудил, она бы тебя убила. А потом меня. А потом снова заснула бы и сделала вид, что ничего не было.

Зак хмыкнул. В это развитие событий ему охотно верилось.

— Ешь, — Эреб пододвинул к нему миску. — Местные ведуны тебя и ловить не стали бы — сразу бы поняли, что кормить себе дороже.

— Спасибо, — Зак взял ломоть хлеба. Тот оказался тёплым, с хрустящей корочкой и пах так, что у него закружилась голова. Он не ел горячего хлеба... никогда? В культе кормили баландой. В бегах — чем придётся.

Эреб смотрел на него с каким-то странным выражением.

— Давно не ел нормально?

— Не помню, — честно сказал Зак, жуя. — Циклы. Может, год.

Зак ел, стараясь не слишком набрасываться, но руки дрожали. Эреб налил ему из кувшина — тёплое, травяное, чуть сладковатое. Он отпил не глядя: даже если там отравка какая, лучше умереть сытым и в уверенности, что культистам достанется только его счастливый холодный труп. Хотя, можно попросить и его сжечь.

— Нужно, наверно, разбудить, — кивнул Зак на Тею, — Остынет же.

— Подогрею, — Эреб дернул щекой, — Пусть отдохнет. Глядишь, поспеет.

— А где вы взяли еду?

— Приготовил.

Зак замер с недонесенной ко рту кружкой. Почему-то эта новость удивила его больше, чем всё остальное — больше, чем живой бог в соседней комнате, больше, чем двести лет в камне, больше, чем всё.

— Вы... готовите?

Эреб посмотрел на него с лёгким недоумением.

— Я не только солнца гасить умею, у меня вообще много скрытых талантов.

— А из чего?

— Ну, мясо — это клядр, — ткнул он пальцем в тарелку Теи, — Вот эти мелкие грызуны. Не волнуйся, я перед ним извинился. А для овощей и трав тут полно семян запрято, много лет уже как. Это же академия, тут кухня есть, причем огромная.

— Вы за сгиб превратили семена в спелые овощи?

— Говорю же, много талантов.

Зак молчал. Он ел самую вкусную еду в своей жизни и почему-то опять беспричинно злился. Тот, кому есть и во все не нужно, может делать это постоянно и не напрягаясь, а остальные вынуждены питаться объедками и молиться, чтобы желудок это переварил.

— Ненавидишь меня? — будто прочитав его мысли, спросил Эреб.

Зак поднял на него глаза. Поза мужчины была расслабленная, он смотрел прямо и не отводил взгляд. Скорее всего, ему было глубоко плевать, ненавидит ли его Зак, спросил просто так, из любопытства.

— Не знаю, — постарался он честно ответить, — Иногда кажется, что да. Большую часть времени.

Эреб тихо рассмеялся.

— Это нормально. Так было и до всей этой ситуации.

— И вы не попытаетесь оправдаться? Она, например, защищала вас.

Эреб кинул быстрый взгляд на кровать. От их голосов девушка заворочалась, промычала что-то неразборчивое.

— Это она просто сонная была, — тепло сказал мужчина, — Проснется, будет песочить меня долго и со вкусом. Поверь, у нее поводов для этого намного больше, чем у кого бы то ни было.

Закари немного помолчал, а затем осторожно спросил:

— Зачем вы заточили ее в камень?

Эреб перевел на него взгляд. Секунду назад он был ласковым, нежным, но сейчас янтарные глаза снова наливались тяжестью.

— Нас было четверо, — едко начал он, смотря Заку в глаза, — Двое умерли, меня убить не получилось. Какие у меня еще варианты были, м?

Зак не отвёл взгляд, хотя внутри всё сжалось.

— Я не про то, — сказал он. — Почему именно камень? Почему не... не знаю... не отправить куда-то? Не спрятать?

— Куда? — Эреб усмехнулся, но усмешка вышла злой. — Весь мир горел, Закари. Буквально. Земля тряслась, солнца мигали как бешеные, люди резали друг друга, потому что Лор перестал их слышать и никто больше не чувствовал границ. Поверь, обстановка была куда более напряженная, чем сейчас. Куда мне было её отправить? В соседнюю комнату?

Он откинулся на стуле, провёл рукой по лицу.

— У нас три года ушло на то, чтобы понять, что вообще произошло. Три года мы жили в пустой академии, просто потому что ее стены были единственными, что не обваливалось в пыль, когда я кашлял. О том, что и этим стенам осталось немного, я узнал за несколько закатов. Может, будь я не таким выродком, или будь у нас чуть больше времени, я придумал бы план получше. Но вышло что вышло, и я не собираюсь за это оправдываться. Тем более перед тобой.

Зак похолодел.

— Тем более передо мной? — переспросил он севшим голосом.

Эреб посмотрел на него сквозь пальцы, слегка склонив голову.

— Думаю, смысла разыгрывать спектакль дальше нет? — он дернул уголком губ, опустил руки, — Ты ведь любимчик культа, личная игрушка Гласса. Я, знаешь ли, очень удивился, когда увидел тебя в академии. Не думал, что кому-то под силу сбежать от них.

Зак почувствовал, как на спине и висках собираются холодные, противные капли пота. Он выпрямился на стуле, забыв про усталость.

— Так вы знали все с самого начала, — скривился Зак, — Знали, что творят ведуны, знали про существование культа. И ничего не сделали.

— А должен был? — приподнял бровь Эреб, — Я кто, потвоему? Всеобщий миротворец?

— Вы взяли на себя ответственность, когда посягнули на Лора, — выплюнул Зак, — А теперь, получив его силу, говорите, что не при делах?

Зак все еще говорил тихо, чтобы не разбудить Тею, и его слова звучали гремучим змеиным шипением. Эреб смотрел на него внимательно, чуть прищурившись, словно заглядывал куда-то очень глубоко внутрь, и Заку показалось, что ему не совсем нравится то, что он видит.

Но Заку тоже много чего не нравилось.

— Я понимаю, управлять миром сложно, — продолжил он, игнорируя чужое пристальное внимание, — Но неужели у вас ни разу не возникло желания помочь тем, кто там находится? Спасти хоть часть?

— От чего спасти?

215 лет п.п.л. 3-й цикл. Такой живой и опасный мир.

Зак и Эреб одновременно повернулись к кровати. Тея сидела, свесив ноги, все еще не до конца проснувшаяся. Она щурилась от света, но смотрела прямо на Эреба. Тот взмахнул рукой — от остывшей миски снова пошел пар. Он подвинул ее к краю стола, помог девушке встать и пересесть на стул.

Тея втянула носом запах, зажмурилась.

— Ты приманил клядра?

Эреб театрально закатил глаза.

— Ну почему все вокруг сомневаются в моих талантах?

Тея не ответила. Начала есть медленно, неспешно, смакуя каждый кусок.

— Так что там с культом? — вернулась к вопросу Тея, не дав сбить себя с толку, — Что это вообще такое? Почему от них надо спасать?

Эреб покачал головой и налил ей в кружку горячий отвар.

— Те же ведуны, верхушка, — ответил он, кинув быстрый взгляд на Зака, который так и сидел, напряженный и злой, — Велор спёр записи Нилы в тот вечер, истолковал, как смог. Основал кружок единомышленников, который плавно перетек из шайки головорезов в официальное правительство. А

под слоем этой официальности — те, кто верит, что Лора можно вернуть или создать нового, я в подробности не вникал.

— Ты позволил Велору украсть то, над чем мы трудились столько лет, и пользоваться этим до сих пор? — размеренно, даже буднично уточнила Тея. Только тонкие пальцы до побеления стискивали края глиняной кружки, грозя расколоть ее, а взгляд исподлобья был еще более гневным, чем у Зака.

— Ну, справедливости ради, Велор этим уже не пользуется, — совершенно мимо царившей атмосферы хохотнул Эрб, — А остальные... Он за основу взял не только ваши разработки, но и то, чему нахватался от Бет. И вырод его знает, сколько ночей они провели, секретничая, и что конкретно она успела ему рассказать.

Кружка со стуком опустилась за стол, расплескав содержимое.

— Эрб! — воскликнула Тея так громко, что даже Зак вздрогнул. Зак, но не Эрб. Он смотрел на девушку спокойно, хоть напускное веселье на его лице и поубавилось, — Я тебя умоляю, хватит! Объясни нормально. Я же понимаю, что у тебя были для этого основания, так просто расскажи, какие. Я что, прошу невозможного?

Эрб улыбаться перестал. Он смотрел на Тею жадно, восхищенно, но затем перевел потухший взгляд в окно.

— Вы оба должны понимать, — бесцветным голосом сказал он, — что идея, зародившаяся у одного, будет переда-

ваться остальным, как зараза. Я действительно пресекал действия культа в самом его зарождении. И после тоже. Но он возрождался, вновь и вновь, и его участники становились только более отчаянными и безумными. Это бесполезный труд.

Зак притих, опустив глаза. Тея взяла Эреба за руку, и он переплел их пальцы, но не повернулся, продолжая смотреть куда-то в серое тусклое небо.

— И как именно этот “культ” пытается воплотить задуманное? — сдавленно спросила Тея. Эреб немного помедлил с ответом.

— Ну, методички у меня нет, так что подробностей не знаю, — он дернул плечом, — Лучше спросить у непосредственного участника.

Зак отвел глаза.

— Я... не из их числа, так что тоже не слишком осведомлен о конкретных методах.

Эреб издал сдавленный смешок.

— Ну все, тупик, получается, — хмыкнул он.

Тея прикрыла глаза, и Зак увидел, как медленно поднялась и опустилась ее грудь. Затем она открыла их, посмотрела на него серьезно, с лёгким прищуром.

— А из чьего ты числа, Закари? — вкрадчиво спросила Тея. Зак вздрогнул, Эреб заинтересованно повернул голову, — Ненавидишь ведунов, но вырос среди них. Так удачно и совершенно случайно оказался в академии, по стечению об-

стоятельств нашел одну из самых укромных комнат среди их великого множества, именно ту, где была я. И как же так получилось, что, стоило тебе притронуться, и...

— Я не такой, как они! — воскликнул Зак, порываясь с места, — Я правда не...

— А какие они? — приподняла брови Тея, — Ты винишь Эреба в том, что он не спас людей от “них”, но даже не знаешь, что эти “они” делают? И кто это — они? И кто ты?

Зак стоял, пригвожденный этим взглядом к полу, сжимая и разжимая кулаки. Что он должен ответить? Он не хотел поднимать эту тему, не хотел слышать подобных вопросов. Оставаясь рядом с этими людьми, он знал, что когда-нибудь они прозвучат, но не думал, что так скоро.

— Солнышко, не нагнетай, его сейчас удар хватит, — примирительно встрял Эреб, поглаживая девичью ладонь большим пальцем. Тея вырвала ее, переключив внимание на мужчину.

— Ты тоже не расслабляйся, — прошипела она, — Поиграл в дурачка, сбросил напряжение, и будет. Я была терпелива, ждала, пока пройдет первое впечатление. Но не нужно делать из меня дуру, Эреб.

Мужчина приподнял брови, непонимающе глядя на нее.

— Неважно, хотел ты моего освобождения или нет, — отчеканили Тея, а Эреб нахмурился, — Но я уже тут, и заточить меня обратно у тебя не получится. Так что либо вы оба сейчас мне рассказываете все, что знаете, либо я сама вы-

хожу на улицу и спрашиваю об этом у каждого прохожего. Дойду и до ведунов, и до культа, куда угодно дойду.

— Долго идти придется, — пробурчал Зак, но уже без прежнего запала, присаживаясь обратно на стул, — Тут на дни пути ни одной живой души. Только зверьё мелкое встречается, да дрянь всякая из Вита лезет.

— Дрянь из Виты, — закатывая глаза, вздохнула Тея, — Три солнца, кислотные дожди... Дай угадаю, Ратио смыло?

— Отнюдь, — как-то задумчиво ответил Эреб, — Вода почти ушла, так что Ратио сейчас популярнее Квиеса в период каникул. Все туда ломанулись.

— Почему?

— Относительно безопасно, — беззаботно пожал он плечами.

— Понятно, — Тея побарабанила пальцами по столу, потом снова подняла взгляд на Зака, — К этому мы вернёмся позже. Закари. Либо рассказывай, либо уходи.

— Тея... — попытался что-то сказать Эреб, но она прервала его вскинутой ладонью.

— С меня достаточно неизвестно откуда прибывших чужаков с нестандартными умениями.

После этих слов Эреб мимолётно, почти незаметно дернулся, и Зак увидел, как опустились его плечи. Мужчина отвёл взгляд и больше не пытался что-либо сказать.

Зак молчал. Тея не торопила его. Он видел — ей не нужны оправдания или заверения, что он “на их стороне”. Это была

бы откровенная ложь, которая оскорбила бы и ее, и самого Зака. Но проблема заключалась не только в том, что Зак не хотел говорить. Он по большей части просто сам не знал ответа на ее вопросы.

— Я вырос в культе, — начал он медленно, глядя на свои лежащие на столе ладони, — но не среди него. Я не знаю всех участников, я вообще почти не знаю никого в лицо. Те немногочисленные люди, что меня посещали, не разговаривали со мной.

— Почему? — спросила Тея. В голосе не было злости или давления, он звучал ровно, но Зак все равно внутренне сжался. Он помотал головой.

— Я не знаю. Со мной общался только один человек, он говорил, что я очень важен, что культ готовит меня к чему-то, но... так и не сказал, к чему.

— Ты их ненавидишь за это? — спросила Тея, — За то, что тебя держали изолированно?

— Я не настолько ранимый, — огрызнулся Зак, — Мне вообще плевать по сути было. Только когда сбежал, узнал, что происходит в мире...

— Если было плевать — почему сбежал? — встрял Эреб. Заку казалось, что он вообще не проявлял заинтересованности к разговору, но, оказалось, слушал.

Лучше бы в окно пялился.

Закари сжал ладонь в кулак. Почему он вообще сидит здесь и оправдывается перед ними? Какое право они имеют

требовать, чтобы он вывернул свою душу наизнанку? Он не должен. Просто встанет сейчас и уйдет, и пусть они делают, что хотят, хоть перебьют всех окончательно без разбора...

“Закари, доберись до земель Люмена, найти академию... Ты должен, ради себя, ради всех нас. Только так мы сможем положить конец всеобщим страданиям, ты должен....”

Зак сглотнул.

— Тот человек, который разговаривал со мной... — через силу выдавил он, — Он сказал, чтобы я шел сюда. Что так я могу помочь всем, и что это очень важно...

Зак замолчал, горло сдавило. Что сейчас с тем человеком? Жив ли он, или после побега его убили? Правильно ли он поступил, послушавшись...

На его сжатые пальцы легла холодная тонкая ладонь. Он дернулся от неожиданности, вскинул голову.

Тея смотрела на него сочувственно, и он бы оскорбился, вырвался, но почему-то продолжил сидеть неподвижно. В ее взгляде не было снисходительности или жалости. Это сочувствие было не актом покровительства взрослого ребенку, которым его щедро одаривали другие, а как будто... принятие. Ее взгляд говорил о том, что она понимает, что он чувствует, и что ей это близко. Первый раз за последние два года скитаний он смог понять это призрачное различие между сочувствием и жалостью.

Хотя, может, он просто это выдумал.

Зак отвел взгляд, чувствуя себя особенно по-детски, и за-

метил Эреба. Он сидел неподвижно, глядя на их с Теей ладони, а потом поднял на него потемневшие глаза.

Зак отдернул руку.

— Тот человек был важен для тебя? — тихо спросила Тея. Она не убрала свою руку, и та все еще лежала на столе, ладонью вверх, и от этого Заку было почему-то неуютно.

— Какое это имеет значение? — проворчал Зак, неосознанно раситрая ладонь.

Тея покачала головой, не ответив.

— Он не сказал тебе, чем именно ты можешь помочь таким образом? — вместо этого спросила она. Зак отрицательно покачал головой, — Ясно... Эреб, теперь твоя очередь.

Мужчина чуть склонил голову.

— Спрашивай.

— Так мы до утра вопросами перебрасываться будем, — закатила она глаза, — Давай просто по порядку, начиная с того дня, как Велор на нас напал. Что ты делал потом, как менялся мир и на чем он остановился.

— Отлично, а за подробным рассказом событий двухсотлетней давности мы проведем еще цикл, — в тон ей ответил Эреб. Он обвёл взглядом комнату, задумавшись о чём-то, и остановил его на столе. Посмотрел на него пару ударов сердца, и деревянная поверхность пошла крупной дрожью, из центра кругами побежала рябь, как по воде, расталкивая пустую посуду к краю.

Зак заворожённо наблюдал, как твёрдый материал сто-

ла под этим взглядом становится мягким и податливым, как глина. Дерево двигалось, переливалось, и на поверхности начали проступать очертания. Горные хребты поднимались крошечными складками, русла рек прорезали древесную плоть тонкими извилистыми линиями, долины опадали гладкими впадинами. Дома и мосты вырастали сами собой, как кристаллы в перенасыщенном растворе: сначала смутные тени, потом узнаваемые силуэты, наконец — миниатюрные, но пугающе точные копии.

Всего через мгновение на столе красовалась карта целого мира в миниатюре.

— Начнём с географии, — тоном лектора сказал Эреб.

Он чуть повёл пальцами, и пышный, покрытый крошечными деревьями и цветами участков карты начал темнеть. Зелень сворачивалась и скручивалась, меняя очертания. Из-под листвы проступили острые шипы, цветочные бутоны раскрылись, обнажая ряды мелких зубов. Крошечные фигурки животных, бродивших среди зарослей, вдруг бросились врассыпную, а одно из них, кто-то вроде миниатюрного оленя, исчезло, сомкнутое лепестками хищного растения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.